там, где бродит смерть

Александр Марков



секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Александр Марков

Там, где бродит смерть

«ВЕЧЕ»
2013

Марков А. В.

Там, где бродит смерть / А. В. Марков — «ВЕЧЕ», 2013 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4484-7250-3

Первая мировая война в самом разгаре, еще не понятно, на чью сторону склонится чаша весов, на которой лежит победа. Однако в Германии появляется новое оружие, которое может повлиять на весь дальнейший ход сражений. Для того чтобы разрушить планы противника, в тыл врага уходит особый отряд под командованием капитана Мазурова. Им предстоит трудный и смертельно опасный рейд…

ISBN 978-5-4484-7250-3

© Марков А. В., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Пролог 6
Глава первая 11
Глава вторая 23
Глава третья 34
Глава четвертая 39
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Александр Марков
Там, где бродит смерть

© Марков А.В., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017
Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

Мир съежился до размеров крохотной полусферы, диаметром не более двадцати метров, в центре которой, под протекающим куполом, сидел рядовой Ченкаширского гренадерского полка Ее Величества Энтони Оливер. За стенками полусферы все затопила темнота, и лишь запахи, отвратительные запахи разложения, кислые и немного сладковатые, которые приносил ветер, говорили о том, что там по-прежнему еще что-то осталось, а ядовитая темнота не успела все растворить.

Энтони было до отвращения тоскливо и одиноко, будто он оказался на необитаемом острове, отрезанном от населенных земель тысячами километров океана, а его товарищи, которые спали сейчас всего-то в десятке метров от него, были не более чем фантомами. Если их тронуть рукой, то она пройдет сквозь тело, как сквозь дым, не встретив никакого сопротивления. Энтони чувствовал, что его мозгом начинало завладевать помутнение. Оно походило на голодный припадок.

Наконец рассвет выбрался из берлоги, где он прятался в течение всей ночи. Добравшись до небес он стал стирать и без того тусклые звезды, и теперь они едва проступали сквозь серую пелену, точно краски, которыми они были нарисованы, выцвели от времени. Отвратительное время суток. Веки начинают слипаться, и чтобы они окончательно не закрылись, между ними, наверное, нужно вставить палочки. Слишком холодно и зябко. Кожа покрылась мурашками и загрубела. Она стала напоминать апельсиновую корку, будто всего лишь за несколько минут ее состарило на десятки лет.

Вся последняя неделя была слишком жаркой. Воздух плавился, становился зыбким, словно ты оказался в комнате смеха и теперь смотришь на отражения в кривых зеркалах. Но минувшим вечером небеса прохудились. Если вначале дождь совершал лишь небольшие разведывательные набеги, то теперь он осмелел и вот уже несколько часов лил не переставая. Это походило на утонченную китайскую пытку. Она рано или поздно сводила с ума. Выдержать ее невозможно, но зато и уснуть тоже нельзя.

На дне окопа стали скапливаться лужицы. Очевидно, грунтовые воды залегали здесь совсем неглубоко.

Энтони положил под ноги пустой ящик из-под снарядов. Но толку от этой хитрости немного. Подошва на левом сапоге прохудилась, нога безнадежно промокла и начинала твердеть, превращаясь то ли в камень, то ли в лед. Пропитавшаяся водой шинель все еще удерживала остатки тепла, но Энтони уже давно начала колотить дрожь, и это несмотря на то что ветер не мог пробраться в окоп, хотя и щекотал ноздри запахом разлагающейся органики. Хотелось заткнуть нос платком или зарыться лицом в сырые прохладные стенки окопа. Казалось, что сладковатый, напоминающий шоколад запах въелся в одежду и кожу. Теперь его не смоешь даже мылом, так что если Энтони сбросит с себя форму и простоит под душем столько, сколько ему позволят его товарищи, он все равно будет пахнуть смертью. Чтобы избавиться от этого запаха, нужно, пожалуй, вываляться в извести.

Изредка Энтони осторожно выглядывал из-за бруствера. Густой, как кисель, туман обрывался почти на самых подступах к окопам. Он почти затопил полосу колючей проволоки, а то, что творилось на германской территории, и вовсе не различалось.

К звуку разбивающихся о землю капель прибавилось еще и чавканье. Энтони оглянулся. К нему приближался лейтенант, одетый в непромокаемый плащ. На голову офицер набросил капюшон. Теперь его вполне можно спутать с посланником смерти, и если бы он замогильным голосом сообщил Энтони, что пришел забрать душу солдата, то тот нисколько не удивился бы этому.

Лейтенант старался ступать на пятки – так легче вытягивать из грязи сапоги. Он поддевал грязь носком, делая примерно такие же движения, что и футболист, который хочет отправить мяч вверх свечой.

– Все спокойно? – спросил офицер.

– Да, – Энтони вытянулся, отдал честь.

Челюсти свело холодом, рот плохо слушался его. Теперь он вряд ли сумел бы произнести более сложную фразу. Очень хотелось оказаться в землянке. Спрятаться под навесом от дождя. Снять мокрую шинель и прижаться к теплому боку спящего товарища, а еще, еще…

Он был среди тех, кто, узнав о начале войны, отправился бить стекла в германском посольстве, и если бы не конная полиция, то ему все-таки удалось бы пробраться внутрь здания и устроить там погром. Тогда в нем проснулась звериная ярость. Она возбуждала его так же, как и толпа, которая запрудила Трафальгарскую площадь, потому что он понял – наконец-то пришло время перемен. Он ждал их. Он хотел изменить свою жизнь, ведь кроме скучной юности и бедной старости она ничего ему не обещала. Но у Энтони сложилось слишком неправильное представление о войне, потому что она ассоциировалась с Индией, откуда ветераны сражений возвращаются в метрополию непременно богатыми, словно тех, кому не повезло, и чьи кости обглодали дикие звери или высушил ветер, вовсе не существует. Он был наивен. Он верил, что флот его страны самый сильный в мире, а континентальная армия – ему под стать. Он даже предположить не мог, что германцы могут оказаться на суше настолько сильными, что их с трудом будут сдерживать объединенные силы Англии и Франции. И если тогда, в августе кто-нибудь сказал бы ему, что через семь месяцев война все еще не закончится, и вместо прогулок по улицам поверженного Берлина он, как крот, будет все глубже зарываться в землю неподалеку от какой-то французской деревушки, спасаясь от шрапнели и пуль, в лучшем случае он отлупил бы этого провидца, обозвав его предателем, а в худшем – сдал бы в полицейский участок. Беда в том, что война стала напоминать работу, на которую надо ходить изо дня в день, вставая рано утром, а если это ночная смена – то вечером, и так – год за годом до пенсии.

Название деревушки Энтони запоминать не собирался. Все равно ее дома растащат на дрова, а то, что останется, уничтожат германцы во время артналетов и бомбежки, да и все эти французские названия вызывали у Энтони тошноту. Но, похоже, они остановились здесь надолго, вот уже неделю вгрызаются в землю, как кроты, строят норы, в которых пережидают артобстрелы. По другую сторону фронта тоже самое делают немцы, разбирают на дрова свою французскую деревушку и укрепляют бревнами ее домов свои окопы и блиндажи.

Неожиданно в душе возникло предчувствие надвигающейся беды. Туман отступал медленно. Из него, как ребра из полуразложившегося трупа, торчали ежи, обмотанные колючей проволокой. Через час, а возможно и чуть раньше туман рассеется, но Энтони подозревал, что у него нет этого часа. Лейтенант увидел, как напряглось лицо солдата, глаза уставились в туман, будто он хотел что-то увидеть в нем, – так мореплаватель всматривается в горизонт, надеясь разглядеть берег. Рука Энтони крепко, слишком крепко сжала винтовку, так что выступили вены, а кожа давно уже приобрела неестественно бледный оттенок.

– Что там?

– Не знаю…

Тонкий пронзительный свист впился в барабанные перепонки. Потом послышался шлепок, словно встревоженная человеческими шагами лягушка прыгнула с берега в пруд и затаилась среди тины. Снаряд погрузился в вязкую землю и застрял там, отчего-то не разорвавшись, но это был только пристрелочный выстрел. Через несколько секунд заработали германские гаубицы. Воздух заметно потеплел и наполнился стаями раздраженных шершней. Осколков стало так же много, как и капель дождя. От нескончаемых грозовых разрядов раскалывались небеса, а их кусочки сыпались и сыпались на спрятавшихся в окопах солдат. Казалось, что германцы поставили перед собой задачу – превратить английские окопы в однородную массу и теперь

старательно претворяли замысел в жизнь, методично и неторопливо, как повар, который взбивает яичный белок и сахарную пудру. Впереди мелькнула тень, словно летучая мышь в темной пещере или светлячок, который ударился в освещенное окно, забарабанил по стеклу крыльями, а потом исчез. Боши будто выходили из воды, появляясь постепенно, вначале голова в каске (лицо почему-то закрыто противогазом), одновременно с головой – штык, конец винтовки и чуть позже – руки и грудь. Серая шинель сливала голову и винтовку в единое целое, последними возникали ноги.

Германцы шагали, покачиваясь, будто слегка пьяные, скорее всего так оно и было, и очень медленно, словно уже устали, потеряв слишком много сил, продирались сквозь туман.

Энтони принюхался. Газа он не чувствовал. Боши могли надеть противогазы, чтобы усилить психологический эффект от своего внезапного появления. Лейтенант что-то кричал, размахивал пистолетом и лихорадочно, почти не целясь, палил по приближающейся цепочке германцев, и хотя с такого расстояния промазать мог только слепой, пока никто не падал.

Энтони выстрелил в солдата, шедшего почти напротив него. Он хорошо видел, как пуля разорвала шинель на груди. Эта рана была смертельной. Но из нее не выступила кровь. Бош лишь покачнулся от толчка, а потом двинулся дальше. Энтони не слышал, чтобы германцы начали надевать какие-нибудь защитные панцири, способные остановить ружейную пулю.

Еще сонный взвод топал по грязи, расплескивая ее по стенкам окопа, и занимал оборону. Гаубицы утихли. Тем временем из тумана появилась вторая цепочка германцев, и почти сразу же обнажилась третья, потому что туман резко отступил и съежился.

– Быстро по местам, – кричал лейтенант.

Он подгонял пулеметчиков взглядом, нервно наблюдая за тем, как их дрожащие, скорее от холода, чем от страха, руки заправляют пулеметную ленту. В таких случаях обычно оказывается, что после нескольких выстрелов пулемет заедает. Лейтенант не выдержал и сказал «Огонь» раньше, чем пулеметчики приготовились к стрельбе.

Прозвучал дружный, раскатистый залп. Дождь прибил пороховой дым к земле. Все опять промахнулись. Показалась четвертая цепочка.

– Чертовщина, – зашипел лейтенант. – Вы что, стрелять разучились?

Он, очевидно, забыл, что несколькими секундами ранее сам не мог ни в кого попасть.

А потом затарахтел пулемет. Этот звук был приятен. Он успокаивал и походил на утробное урчание, которое издает двигатель автомобиля или мотоцикла. Лейтенант и без бинокля прекрасно видел, что далеко не все пули уходили в молоко.

– Цельтесь в головы, – приказал он. – Похоже, у бошей под шинелями доспехи.

Энтони поймал прицелом мухообразную голову германца, отдав предпочтение левой глазнице, затаил на миг дыхание, чтобы оно не мешало стрельбе, и плавно нажал на курок. Отдача толкнула прикладом. Энтони сжал зубы. У него на плече уже образовался внушительный синяк, постепенно из синего превращавшийся в бурый. Глазница германца треснула, расплескалась пластмассовыми осколками вперемешку с кусками костей, ошметками кожи и кровью. Бош остановился, словно не понимая, что с ним случилось. Его руки выпустили винтовку. Она упала в грязь. Германец хотел потрогать разбитую глазницу, руки дернулись, поднимаясь вверх, но в это время его ноги подломились, и он наконец-то повалился. На все это ушло несколько секунд – Энтони даже начинал подумывать, а не загнать ли пулю в правую глазницу боша, чтобы немного ускорить этот процесс.

Пулеметчики щедро поливали цепочку огнем. Второй номер едва успевал направлять ленту, а у наводчика, скорее всего, уже начали покрываться волдырями ладони, потому что корпус пулемета сильно нагрелся. Вода в нем начинала закипать. От пулемета потянулся столб пара, мешавший прицеливаться. Германцы даже не пытались пригнуться к земле и ни разу не залегли, чтобы спрятаться и переждать убийственный поток пуль. То ли они были так фанатичны, что смерть для них ничего не значила, то ли уверены в собственной неуязвимости, но,

скорее всего, они просто ничего не соображали, накачавшись перед атакой шнапсом. Впрочем, в этом случае они обычно горланили песни, подбадривая себя и пряча страх…

Дождь немного охлаждал пулемет. Возможно, именно из-за этого вода в нем так пока и не выкипела, но пар мешал пулеметчикам, застилал глаза, и они долго еще не видели результатов своей стрельбы.

Пули превратили шинели в лохмотья, а тела рвали в клочья, как будто это чучела, набитые соломой, так же не чувствующие боли. А потом пулемет наконец-то замолчал. То ли заклинило, то ли он перегрелся, выяснять времени не было. Пар быстро рассеялся, и пулеметчики, к своему ужасу, увидели всего лишь в нескольких метрах впереди себя германских солдат.

Энтони поймал в прицел новую мишень, но за долю секунды до того, как он хотел уже нажать на курок, залп сделали германцы. Они стреляли, как ковбои в американских вестернах – не прицеливаясь, с уровня живота, а поэтому их пули были не опасны, пройдя примерно в полуметре над окопами. Боши оказались никудышными стрелками. Видимо, у германцев стало так плохо с резервами, что они бросили на прорыв необстрелянные части. Впрочем, для того и нужно пушечное мясо, чтобы принять на себя поток пуль, который в ином случае мог бы достаться на долю более подготовленных солдат. Энтони вновь выстрелил, но промахнулся. Пуля скользнула по каске германца, оставив на ней сверкающую серебром бороздку. Бош замотал головой. Наверное, его слегка оглушило. Ему осталось ждать смерти всего лишь миг, но вдруг Энтони замер. Краем глаз он заметил, что уже убитый им германец вновь поднимается. Он встал на четвереньки и стал шарить руками по земле, отыскивая утонувшую в грязи винтовку. Грязь забила ее дуло, забралась в спусковой механизм, а это значило, что для стрельбы винтовка сделалась бесполезной, но у нее был штык, и в рукопашной она еще могла пригодиться. Рука Энтони задрожала. Он не мог больше заставить себя выстрелить. Германцы по-прежнему шли медленно. Теперь они могли бы и побежать.

– Гранаты, – прохрипел лейтенант. Он сорвал голос.

Солдаты побросали гранаты, припали к земле. Она содрогнулась. В окопы залетели запах гари, комки земли и куски человеческих тел. Когда дым растворился, оказалось, что первой цепочки бошей уже не существует. От нее остался лишь один солдат, у которого были оторваны обе руки. Германец не потерял сознания, очевидно из-за болевого шока, и теперь стоял, даже не раскачиваясь, вмерзнув в землю, как языческое божество. Он упал, когда до него докатилась вторая цепочка, и кто-то толкнул его, выведя из равновесия. Англичане закидали гранатами и ее. Эффект был такой же, но это были последние гранаты.

Энтони обязательно бы бросился бежать. Но они упустили время, и теперь немцы, какими бы плохими стрелками ни были, перебьют их как на охоте, стоит англичанам только выбраться из окопов. В спину очень легко стрелять. Оставалось лишь подороже продать свою жизнь. А впрочем, кому она нужна?

– Примкнуть штыки, – опять прохрипел лейтенант.

Из пореза над левой бровью у него сочилась кровь, но дождь быстро смывал ее, так что кровь не успевала даже свернуться. Лейтенант был энергичен и бодр, казалось, что он принял какой-то наркотик. Он успел справиться с дрожью в голосе, а судя по тому безумному огню, который разгорался в его глазах, взводный уже начинал видеть смерть и отблески ада. Лейтенант слишком много времени уделял изучению действий русских офицеров, видимо, вообразив, что и ему лихой штыковой атакой удастся разогнать противника.

«А, пропади все пропадом! Может, повезет…» Рывком Энтони толкнул свое тело из окопа, когда услышал приказ о наступлении. Он поскользнулся и чуть было не повалился обратно. Если бы он стал задумываться и прислушиваться к свисту пуль, то, скорее всего, так бы и не решился покинуть укрытие. Энтони выиграл бы не более пары минут, но это слишком мало, чтобы успеть насладиться жизнью. Главное теперь ни о чем не думать, тогда и не заметишь, как придет смерть. Он завыл протяжно, как воет волк на луну, резко выбросил руки впе-

ред, забыв о том, что германец в броне, и вспомнил об этом, лишь когда его взгляд наткнулся на иссеченную пулями шинель. Энтони подумал, что штык, если не сломается, так обязательно затупится, но шеффилдская сталь легко, с приятным чавканьем вошла в тело германца на всю глубину до ствола, потому что Энтони по глупости вложил в удар слишком много сил, гораздо больше, чем было необходимо. Штык вышел из спины германца, который теперь был похож на большую муху, нанизанную на булавку. Его руки беспомощно вздрагивали.

Когда-то в детстве Энтони собирал коллекцию насекомых, гоняясь за жуками с сачком, а потом подолгу разглядывал добычу, прежде чем заколоть ее булавкой и спрятать в специальной коробочке. Но этого увлечения хватило всего лишь на одно лето. Оно походило на болезнь типа простуды, от которой быстро излечиваешься, так что вскоре он забросил это занятие, а коллекцию раздарил знакомым и поменял на конфетные вкладыши или оловянных солдатиков.

Энтони хотел вытащить штык, но не успел, потому что в эту секунду германец наконец-то выстрелил. У него был автомат.

Энтони показалось, что очередь длится целую вечность и очень долго пули разрывают ему грудь и входят в живот. Он почувствовал боль лишь от первых из них. Она вспыхнула мгновенно, как огонь на облитых бензином дровах, но следующие пули ее погасили. Энтони отбросило назад. Из груди немца выскользнул штык, чистый, блестящий, совсем не испачканный кровью, будто она уже давно вытекла из других ран, и на новые не осталось ни капли. Но ее вообще не было, а лоскуты шинели лишь обгорели.

Энтони успел увидеть, как ранили лейтенанта – в горле у того что-то заклокотало, забулькало, изо рта потекла кровь, и он рухнул на землю, уткнувшись лицом в грязь, хотя ноги его все еще продолжали двигаться вперед. По телу пробежала судорога, а когда взводный застыл, его поза напоминала позу раба, припавшего к ногам своего хозяина.

Мир стал исчезать. Звуки перестрелки сменились гулом, он был похож на шум воды, когда голову опускаешь в поток и начинаешь к нему прислушиваться и одновременно чувствуешь, как гудит кровь в венах и бьется сердце. Энтони упал на спину и утонул в грязи – липкой и такой же тягучей, как болотная трясина. Здоровому человеку пришлось бы попотеть, чтобы вновь встать на ноги. Но пули выбили из тела все силы. Глаза Энтони стали стекленеть. В них застыло удивление. А потом пришла тишина…

Глава первая

Накануне вечером прошел дождь, поэтому страшная жара, от которой уже начали желтеть листья на деревьях, словно осень пришла на месяц раньше срока, немного успокоилась. Вот уже несколько недель ночи превращались в кошмары из-за того, что от жары невозможно было заснуть. Генералу Рандуличу, когда он особенно долго ворочался в постели, казалось, что он оказался где-нибудь в Гоби или Каракумах. Каждую ночь приходилось по несколько раз вставать с постели, смачивать водой пересохшие, готовые потрескаться губы, и лишь под утро, когда восток окрашивался красными всполохами, он наконец-то погружался в сон. Но эта ночь выдалась такой спокойной, что Рандулич проспал и едва не опоздал на встречу с командующим армией.

Еще день назад он думал о том, что неплохо перейти на один из вариантов колониальной формы, например на тот, который носят в Туркестане. Однако сегодня Рандулич превосходно чувствовал себя и в обычном летнем мундире. Если же адъютант разгонял «руссо-балт» до крейсерской скорости, позволяя стрелке спидометра отклониться вправо примерно на две трети своих возможностей, становилось даже прохладно.

Людей на улицах города можно было пересчитать по пальцам. Ночью германские бомбардировщики дважды сбрасывали на город бомбы. Их главной целью являлся вокзал, но когда пилоты аэропланов поняли, что прорваться туда они не сумеют, то начали просто избавляться от бомб, которые падали куда попало. Владельцы магазинов, опасаясь, что осколки побьют стекла витрин и попортят товары, загодя заколотили их досками. Возле одного из таких магазинов прогуливался полицмейстер. Он постоянно подкручивал великолепные загнутые вверх усы и так увлекся этим занятием, что не только не замечал прохожих, которым, чтобы не столкнуться со служителем закона, приходилось обходить его стороной, но, пожалуй, не обратил бы даже внимания, если б в один из заброшенных магазинов полезли мародеры.

Уличные торговцы выползли из укрытий, как только русские истребители отогнали волну германских бомбардировщиков. Еще не успела осесть пыль. Она кружилась над разрушенными зданиями, как над трупами исполинских животных. Завалы, оставшиеся от предыдущих бомбардировок, уже давно разобрали. На месте двух доходных домов и пекарни остались пустыри.

«Руссо-балт» объехал зиявшую на мостовой кляксообразную проплешину. Сюда угодила одна из бомб. Она пробила асфальт. Под ним оказалась брусчатка, которую взрыв раскидал в разные стороны. Брусчатка пробивала стены домов не хуже шрапнели. Дыры залатали, а оштукатурить их еще не успели. Воронку на мостовой наскоро засыпали камнями, щебнем, песком и утрамбовали.

Встречавшиеся на пути подводы, груженные мешками с мукой, овощами и другой снедью, которую крестьяне везли на базар, заслышав позади себя рокот двигателя, жались к тротуару, пропуская автомобиль вперед.

В одежде теперь преобладали темные тона, даже барышни, которые раньше щеголяли в красных, голубых, розовых и салатовых платьях, носили все больше коричневое или черное, причем не обязательно из-за траура по погибшим родственникам. Было много военных: пехотинцев и кавалеристов. Но большинство из них редко выбирались за границы вокзала, оставаясь в эшелонах, которые транзитом двигались дальше на запад. Порой эшелоны задерживались на станции по нескольку дней. Местные предприниматели смекнули, что наибольшую прибыль можно получить от увеселительных заведений, поэтому в последнее время их появилось в округе довольно много от дорогих, предназначенных для офицеров, до дешевых солдатских. Они группировались вокруг вокзала, создав между ним и остальной частью города своеобразную буферную зону. Здесь была превосходная питательная среда для шпионов. Кроме того,

в ней скапливались разного рода аферисты. Это добавляло головной боли местным властям. Иногда они проводили полицейские проверки, вылавливая нежелательные элементы.

Фанерные тумбы были обклеены агитационными листовками и плакатами. Из-под них виднелись клочки и обрывки афиш, рекламирующих гастроли уездного цирка. Их уже почти оторвал ветер, и теперь они трепетали, как флаги. Прошло три месяца, как цирк покинул этот город. С той поры здесь никто не выступал, а заклеивать старые афиши кроме как листовками да плакатами было нечем. Слов на них уже не разберешь, но Рандулич узнал их по цвету. Он ходил тогда на одно из представлений. Он смутно вспоминал жонглеров, акробатов, дрессировщиков, но в память въелся лишь клоун, который в конце репризы убегает с манежа с криком, что решил застрелиться. Вскоре из-за кулис слышался выстрел, а после клоун вновь появлялся на манеже с удивленным выражением лица, дымящимся пистолетом в руках и говорил, что он приставил пистолет к виску, нажал на курок, но промахнулся. У офицеров, которые приходили на представление, этот черный юмор неизменно вызывал приступы смеха и бурю оваций. Рандулич заметил, что после этой репризы никто из офицеров не пробовал застрелиться, хотя раньше такое изредка случалось. Наверное, потенциальным самоубийцам просто становилось стыдно, что их благородный в кавычках поступок обязательно сравнят с выступлением клоуна…

Командующий не афишировал свое местонахождение. На крыше особняка, где располагался штаб армии, не развевался трехцветный флаг, зато там замаскировали два пулемета системы максима. На столбах, удерживающих ворота, не было никакой таблички.

Перед зданием был разбит парк. Его опоясывала чугунная ограда. Деревья разрослись, и из-за этого с улицы стало довольно трудно разглядеть, что же происходит в особняке. Вряд ли кто-либо мог проникнуть незамеченным не то что в особняк, но даже в парк. Человек, который будет настойчиво заглядывать через ограду, привлечет внимание патрулей. Ворота были крепко закрыты, а если непрошеный гость попытается перемахнуть через забор, дозорные немедленно доставят его в контрразведку, благо находится она всего-то в двух кварталах. Там уже выяснят, стоит ли за этим поступком что-то большее, чем простое любопытство.

Итак, ворота были наглухо закрыты. Рандулич уже смирился с тем, что сейчас адъютант начнет жать на клаксон, как бездомный путник, который поздно ночью добрел до постоялого двора и теперь просит, чтобы хозяева смилостивились и пустили его на ночлег.

Рандулич не любил пронзительный звук клаксона, резкий, неприятный, раздражающий барабанные перепонки, и готовился зажать ладонями уши, чтобы хоть немного заглушить этот звук, но тут ворота стали открываться.

Адъютант крутанул баранку. «Руссо-балт» дернулся в сторону и чуть было не наехал на другой автомобиль – темно-зеленый «рено», показавшийся из-за ворот. Адъютант вовремя заметил его, ударил по тормозам, а потом дал задний ход.

Несмотря на теплую погоду «рено» закрывала брезентовая крыша, поэтому Рандулич не мог рассмотреть, кто в нем сидит. Ему лишь показалось, что он услышал из салона автомобиля какие-то ругательства. Подобные машины были наперечет. Догадаться, кто находится в «рено», не составляло большого труда. Если, конечно, автомобилем не завладели злоумышленники.

Как только проезд освободился, адъютант тут же направил автомобиль в ворота, как будто они в любую секунду могли закрыться и тогда не оберешься трудностей, прежде чем проникнешь за ограду. Ворота захлопнулись позади них.

Двор утопал в тени. Здесь было приятно прогуливаться, даже когда вовсю жарило солнце. Адъютант остался в автомобиле, предварительно развернув его. Так удобнее выезжать со двора, но чтобы не задеть стены или не заехать на газон, требовалась прямо-таки ювелирная точность. Возле особняка стоял «мерседес» командующего – подарок одного из местных купцов, который купил его незадолго до войны, а с началом боевых действий стал считать непатриотичным разъезжать на немецком автомобиле. В нем сидел водитель, затянутый в черный

кожаный костюм. На руках, вцепившихся в руль, надеты кожаные перчатки, на голове – шлем. Похоже, он получил солнечный удар, но не сильный, так как большая часть энергии светила рассеялась листьями и до водителя дошли лишь ее крохи, теперь он не замечает происходящего и медитирует. По крайней мере, он не обратил никакого внимания на подъехавший автомобиль Рандулича. Очевидно, для того чтобы вывести его из состояния оцепенения, нужна была команда наподобие той, что дают во время старта автомобильных гонок. Так и хотелось подойти к нему, похлопать по плечу и спросить, в чем дело. Но эту заботу Рандулич оставил для своего адъютанта.

Перед парадным входом, возле каменных львов вместо швейцаров, облаченных в красно-зеленые ливреи, стояли двое караульных. Угрюмые и неразговорчивые, они тоже походили на статуи. Но стоило подойти к ним поближе, как они оживали, словно к ним прикасался волшебник. Караульные знали генерала в лицо и не стали проверять документы, хотя инструкции позволяли им требовать их у кого угодно.

Рандулич поднялся по мраморным ступеням и прошел внутрь здания. Он посещал штаб с периодичностью примерно два раза в неделю, поэтому даже если на улице стояла кромешная ночь, а электростанция по какой-либо причине отключила подачу тока, он все равно без труда прошел бы по коридору, толкнув четвертую дверь слева, за которой находилась приемная командующего.

Стены были голыми, пол устилала потертая ковровая дорожка. Рандулич предполагал, что предназначалась она для того, чтобы оберегать мозаику, выложенную из разных пород дерева. Ковровая дорожка поглощала звуки шагов, но все равно в коридоре было так же неуютно, как в необжитой комнате, в которой еще не завелись домовые. Создавалось впечатление, что прежние хозяева этого здания вывезли все, что смогли, включая утварь, мебель и прочие вещи. Новые хозяева собирали обстановку впопыхах, совершенно не заботясь о том, насколько она подходит к интерьерам и как гармонирует друг с другом. Главное, чтобы присутствовала в необходимых для работы количествах, поэтому рядом могли преспокойно стоять кожаный потертый диван и деревянный аскетического вида стул. Командующий подыскивал себе особняк поменьше, а этот собирался превратить в госпиталь.

В коридоре царила суета. Здесь было так же многолюдно, как на званом вечере. Удивительно, что с улицы дом казался тихим, как пансион благородных девиц, но всем известно, кто водится в тихом омуте…

Адъютант командующего куда-то запропастился. То ли побежал добывать воду для самовара (надо заметить, что уже неделю как водопровод не работал), то ли отлучился по какой-то другой причине. Рандуличу пришлось войти в кабинет без приглашения. Дверь, обитую толстым слоем войлока, приходилось пихать сапогом.

Собственно, это был не кабинет, а большой зал. Почти под потолком размещался балкон для оркестра – великолепное место для наблюдения, если сюда удастся пробраться шпиону. Вооружившись биноклем или подзорной трубой, он сможет узнать важные секреты, особенно если займет там место сегодня. Балконом уже несколько месяцев не пользовались, и вход в него давно заколотили. По углам зала, словно задвинутые туда в наказание, стояли развесистые, похожие на небольшие деревья золоченые канделябры, как плодами усыпанные свечками. Зажигали их крайне редко и еще реже развязывали собранные в узлы портьеры, на которых уже накопилась пыль. Там же, в углу теснились большие, как платяной шкаф, часы работы Павла Буре. В центре зала располагался т-образный массивный стол, опиравшийся на не менее массивные деревянные ножки, вырезанные в форме львиных лап. Их было не четыре, а гораздо больше, и они могли выдержать вес десятков тарелок с кабанами, утками, цыплятами, осетрами, приправленными всевозможными соусами, утопающими в разнообразных кашах и гарнирах. Но это было давно, а сейчас стол был пуст. Его окружало несколько кресел.

Командующий армией генерал Алексей Павлович Колчин стоял спиной к двери, всматриваясь в карту западных районов империи. Она занимала всю стену позади стола. На карте обозначались даже незначительные поселения. Но никаких специальных пометок, будь то линия фронта или дислокация русских войск, на ней не было.

– Вы до безобразия пунктуальны, – сказал командующий, оборачиваясь.

Его лицо было бы заурядным и незапоминающимся, если бы не изумительные глаза. Нет, они не были похожи на огромные плошки, как у собаки из сказки Андерсена, но взгляд генерала мог пронзать насквозь, как стилет, выпотрошить человека, вывернуть его наизнанку. Некоторые из подчиненных, чувствуя за собой вину, когда шли к Колчину, впадали в состояние мистического ужаса. Несмотря на возраст, генерал был по-прежнему поджар, как охотничья собака, которая ко всему прочему, несмотря на годы, не утратила нюх.

– Присаживайтесь, Николай Иванович, – сказал Колчин, указывая на одно из кресел. – До вас здесь был городской голова. Надо признаться, что словесная баталия с ним отняла у меня много сил. Я даже испугался, что не успею его выпроводить до вашего приезда. Пришлось пойти на некоторые уступки.

– Я видел его автомобиль. Похоже, он все-таки остался недоволен исходом визита.

– Слишком многого хочет… Он просил помощи в решении коммунальных вопросов. Пришлось пообещать, что мы посодействуем в ремонте водопроводной станции. Станция нужна военным не меньше, чем жителям города.

Колчин сел. Он немного прихрамывал на левую ногу. Тот, кто ничего не знал о генерале, мог бы подумать, что он подвернул ее, когда выбирался из автомобиля или поскользнулся на мокрых после дождя ступеньках. Но история была давней. Круг людей, знавших о том, как Колчину с изуродованной во время пыток ногой удалось бежать из японского плена, как он затем пробирался к своим через китайские провинции, был узок даже тогда, десять лет назад, а теперь… Многие из посвященных умерли или погибли. Вот только Колчин все не мог понять, как о тех событиях прознал беллетрист Петр Придиус. Он написал роман, тактично изменив имена главных героев. Книга пользовалась успехом. Колчин по праву мог потребовать от Придиуса часть гонорара.

Генерал не мог долго стоять, поэтому любил сидеть в кресле, вытянув левую ногу вперед. Именно в этой позе он обычно разговаривал с посетителями и проводил совещания.

Генерал не переставал вбивать в головы своим подчиненным, что ему не нужны напрасные потери и лобовые атаки, если есть возможность совершить обходной маневр. Командующего слушались. Он не мог совладать лишь с морскими пехотинцами. Похоже, те возомнили, что мир начинает проваливаться в тартарары, после того как их корабли оказались на дне, а они – на суше. Теперь моряки повсюду искали смерть, но она избегала с ними встречаться, словно боялась их…

За последний год у Колчина не выдалось ни одного свободного дня. Рандулич знал, что командующий не выдержит этого темпа. Если он не сбавит скорость, то через два-три месяца его ждет кровоизлияние в мозг или инфаркт. Это знал и Колчин. Но в этом заключалась вся его жизнь. Куда деваться перекати-полю, когда затихает ветер? Наверное, остается ждать, пока не подует снова, и так без конца. Генерал совершенно не следил за состоянием родового поместья, доставшегося ему по наследству от отца. Когда дела пошли совсем плохо, а дом стал постепенно приходить в упадок, Колчин сбросил с себя эту обузу. Он распродал и дом, и прилегающие к нему земли, а вырученные деньги пожертвовал казне на военные разработки. Теперь у командующего ничего не было, за исключением внушительного послужного списка. Обзавестись семьей ему все как-то не хватало времени. Колчин обещал восполнить этот пробел в своей биографии, когда выйдет в отставку. Но спешить с этим не стоило. Некоторые прочили генералу лет этак через семь-десять кресло министра обороны. Но мир менялся так быстро, что загадывать что-либо на такой длительный срок было просто бессмысленно. Кол-

чин знал об этих разговорах, но старался не забивать ими голову и не воспринимал их всерьез. Пока ношу министра обороны неплохо нес генерал Поливанов, который, слава богу, занял это кресло, любезно освобожденное Сухомлиновым незадолго до войны. Останься Сухомлинов в нем подольше – не избежать большой беды, а так все обошлось.

– Для штурмового отряда подыскали работу, – Колчин начинал разговор издалека лишь в том случае, если видел, что собеседник не готов еще воспринять главное сообщение. С Рандуличем все было по-другому.

Рандулич знал, что в отношениях с англичанами наметилось очередное похолодание. Те обратились к русским через французов с просьбой провести как можно быстрее наступление, ссылаясь на то, что у них начались на фронте неприятности. Ставка Верховного главнокомандующего ответила уклончиво, с одной стороны обнадежив союзников, но не давая им конкретных обещаний. Однако большинство членов Ставки склонялись к мысли, что надо избегать непродуманных и неподготовленных действий. Хватит одного Самсонова, впредь подобные ошибки повторяться не должны. Как докладывала разведка, дела у англичан были не так плохи, как они сообщали. Союзники просто хотели, чтобы германцы перебросили с Западного фронта на Восточный несколько своих дивизий. Англичане всегда старались переложить нагрузку со своих плеч на другие. Но вот метания германцев из стороны в сторону были непонятны. Если в самом начале кампании в сферу их внимания попала в основном Франция, то на следующий год они сосредоточили свои усилия против России. Не добились здесь заметных успехов и, видимо, вновь намеревались обратить взоры на Запад. В конце концов они подтвердят истинность поговорки о том, что будет с тем, кто погонится сразу за двумя зайцами.

– Но я вынужден вас огорчить. В разведке все уже продумали (по крайней мере, они так считают), составили план действий и расписали пьесу по ролям. На вашу долю почти ничего не осталось. Все, что они предусмотрели, – это выступление в начале и в конце представления, а все остальное время вам придется находиться вне сцены. Главная роль досталась капитану Мазурову. Я знаю, что он еще в госпитале, но в разведке утверждают, что Мазурова можно выписывать когда угодно. Формально его можно продержать в госпитале еще не одну неделю, но не стоит. Подробнее можете расспросить обо всем этом хорошо вам знакомого начальника аналитического отдела внешней разведки полковника Игнатьева. Похоже, именно он заварил кашу. Игнатьев должен приехать, – Колчин бросил взгляд на часы, – через сорок минут. Он нам расскажет об операции. Чуть раньше сюда прибудут светлейший князь Павел Игоревич и генерал Гайданов. Вот, собственно, и все второстепенные персонажи этой пьесы. Статисты, я бы сказал. Вернее, мы похожи на снабженцев. От Гайданова требуют «Илью Муромца», от меня и светлейшего – только одобрения и поддержки, хотя мне кажется, светлейший князь уже в курсе этой операции. Ну а вы должны предоставить штурмовой отряд. Вам же предстоит стать координатором всех действий. Несколько бессонных ночей гарантированы. Нет, я все-таки выразился неправильно. Мы не статисты. Скорее, нам отводиться роль кукловодов. Мы будем дергать за ниточки. Кажется, Игнатьев уже получил поддержку Ставки, от нашего решения, собственно, ничего и не зависит. Нас просто поставят в известность!

Колчин распалялся. Раздражение охватило его не столько из-за того, что на начальном этапе подготовки операции с ним никто не советовался, а, скорее, потому, что он ревностно относился к своим обязанностям и терпеть не мог, когда кто-то начинал не спросясь лезть в его вотчину и навязывать свое решение.

В обществе Рандулича он мог позволить себе и более резкие выражения. Все-таки знали они друг друга с незапамятных времен, страшно сказать – аж с прошлого века, словно с ушедшей геологической эпохи, будто тогда был еще ледниковый период, а теперь началась оттепель, хотя, вернее, наоборот – тогда была оттепель, а теперь надвигался лед.

Впервые Колчин с Рандуличем увиделись незадолго до так называемой спецкомандировки, в которую их направило очень-очень высокое командование. Официально они нахо-

дились в каком-то захолустном тмутараканском гарнизоне, который и в глаза-то никогда не видели, на самом же деле поехали в Трансвааль с фальшивыми французскими паспортами изображать добровольцев, приехавших помогать бурам в их борьбе против Британской империи. Тогда они думали, что вскоре придется столкнуться с британцами в открытую…

Раздражение клокотало в Колчине, как закипающая вода в чайнике или, скорее, как пар в котле, и для того, чтобы он не взорвался, пар нужно было немного выпустить, что Колчин и делал, намереваясь выговориться до того, как приедут светлейший князь, генерал Гайданов и полковник Игнатьев. Иначе он опасался, что эмоции перехлестнут через край.

Лицо генерала стало пунцовым, точно он долго парился в бане. «Игнатьев придет к нам, прочитает лекцию, а мы, как прилежные ученики, будем его слушать. В тех местах, которые покажутся нам непонятными, будем просить разъяснений, – думал генерал, меряя комнату шагами. – Он задаст нам уроки на дом, но если мы с ними не справимся, то иметь дело будем уже с директором гимназии. С Игнатьевым все ясно. Если дело выгорит, его наконец-то произведут в генералы, и не он будет смотреть снизу вверх на своего братца, который, кстати, по-прежнему прохлаждается в Париже. Соперничество братьев Игнатьевых всем известно. Но если ничего не получится, то карьеру это ему подпортит. Он рискует. И рискует сильно».

Когда-то этот зал видел богатые пышные гуляния. Здесь собирался цвет губернии, да и столичные знаменитости порой наезжали. Тогда пол в доме устилался ковром из свежих цветов. Независимо от того, какое время года властвовало за окнами, здесь всегда царствовали весна или лето. В особенности запомнился приезд тогда еще совсем юной, только начинающей набирать ореол славы звезды синематографа Веры Холодной, но… Как давно все это было! Целых два года назад. Еще до начала войны владелец особняка миллионер Константин Арцеулов затеял здесь капитальный ремонт, но успел только вывезти мебель, на этом все и закончилось. К особняку он охладел. Занялся другими проектами, а здание передал в безвозмездное распоряжение армии.

Сейчас в зале находилось всего четыре человека. На столе были разбросаны несколько карандашей, циркулей, линеек и пачки документов.

Игнатьев держался уверенно, хотя от обилия золота на погонах слушателей рисковал ослепнуть. Но у него имелся обширный опыт общения с сильными мира сего, и ему приходилось выступать перед куда как более представительной аудиторией. Его звездный час еще не пробил.

В полковнике умер неплохой актер. Ко всем прочим достоинствам – красив, статен, умен. Женщины сходят по нему с ума, и он не упускает возможности использовать это в своих интересах. Ему не составляет никакого труда сплести паутину, в которую, как муха, поддавшись на его обаяние, попадает то сотрудница австрийского посольства в Румынии, то супруга какого-нибудь высокопоставленного германского генерала. Бедные женщины и дух перевести не успевают, как оказываются завербованными и вынуждены работать на Игнатьева, а следовательно – и на русскую разведку.

Игнатьев ходил по краю обрыва, иногда заглядывал вниз, любуясь открывшейся ему бездной. Это ему нравилось, и он не спешил отойти от пропасти, когда под его сапогами начинали осыпаться камни.

– Вот уже не одну сотню лет, а точнее – с 839-го года, в Баварских Альпах стоит небольшой замок, построенный рыцарем по прозвищу Гуго Безумный. Зовется он Марienштад, – Игнатьев ткнул указкой в карту, но он ошибался, если полагал, что собравшиеся в комнате сумеют разобрать, куда именно пришелся этот удар.

Начало было интригующим. Рандулич поудобнее развалился в кресле, полагая, что рассказ, несмотря на все уверения Игнатьева, будет долгим, и мягкое место он успеет отсидеть, даже если станет вертеться и периодически менять позу.

– Прозвище свое Гуго получил из-за того, что для каждого пленника выдумывал новый способ казни. Так он, бедный, развлекался, поскольку никаких иных занятий, за исключением охоты в окрестных лесах и набегов на соседей, у него не было.

У Игнатьева открылся дар рассказчика, об этом его таланте никто и не подозревал. Все думали, что полковник умеет только писать скучнейшие рапорты, переполненные всяческой канцелярской лексикой. Никто, помимо тех, кто был вынужден делать это по необходимости, читать их не стал бы даже под угрозой смертной казни, а попади они в руки конкурентов, то бишь противников, то и те умерли бы со скуки уже на первых страницах. Хороший способ бороться с агентурой врага. Надо побольше подкидывать им опусов Игнатьева. Однако оказывается, что если засадить полковника за письменный стол, дать ему в руки перо, пачку бумаги, то он чего доброго выдаст сборник сказок, который затмит все написанное Гауфом или братьями Гримм.

– Замок как замок, очень скромный, ничем не примечательный. Нет в нем ничего удивительного, как справедливо отметил историк Карл Гумбольт, которому лет сорок назад пришла в голову идея собрать в одной книге описания всех западноевропейских замков. Потратил он на осуществление этой затеи добрых пятнадцать лет, после чего появился на свет вот этот труд, – Игнатьев потряс перед собой внушительным томом в кожаном, тисненном золотом переплете.

Присутствующие знали, что это был скорее путеводитель для туристов, чем историческое исследование. Книжку издали на русском языке вскоре после того, как она вышла на немецком.

– Итак, я продолжаю… Гумбольт отнес Мариенштад далеко не к самым лучшим творениям средневековых зодчих. Он оценил его оборонительные качества как вполне сносные, для того чтобы выдержать непродолжительную осаду небольшой армии, при условии, что предусмотрительные хозяева набьют подвалы замка провиантом, а на каждую или хотя бы на большую часть бойниц найдется по защитнику. Гумбольт выделил для Мариенштада всего лишь полтора столбца. Треть из этого объема занимает чертеж. Более подробного описания замка нам отыскать не удалось. Оказалось, что сведения о нем, хранившиеся в библиотеках стран Центральных государств изъяты. Нет о нем ничего заслуживающего внимания и в библиотеках России.

Четыре башни, подсобные помещения, донжон, в котором потомки Гуго Безумного пробили окна. Истлевший прах Гуго, наверное, перевернулся бы в гробу, узнай он, что сотворили с его гнездом, но никто из потомков Безумного давно не живет в этом замке. Там, право же, неуютно. Они продали его кому-то, а те перепродали, цепочка оказалась длинная, замок переходил из рук в руки. Но нам все-таки удалось выяснить, что теперь им владеет германское военное министерство, которое купило Мариенштад через подставную фирму.

Он сохранился в далеко не идеальном состоянии, пока не рассыпается в прах, но капитального ремонта требует, по крайне мере требовал во времена Гумбольта. Сейчас, мне кажется, положение немного изменилось.

На эту мысль наводит, помимо того, что замком теперь владеют военные, то, что за последний год в замок трижды наведывался канцлер Бетман-Гольвег в сопровождении офицеров германского Генштаба. По официальным источникам, они приезжали в Мариенштад поразвлечься, но право же – там нечем заниматься и развлечений меньше даже, чем во времена Гуго, потому что пленников под рукой нет. Очевидно, именно по этой причине гости проводили в замке меньше суток. После первого раза это должно было отбить у них всякую охоту приезжать в замок, но они, как я уже упоминал, были там еще дважды.

Периодически в замок привозят разнообразные грузы. Их количество и примерный перечень вы найдете в документах, которые я представил.

Игнатьев действительно походил на добросовестного учителя, который разжевывает новый материал не очень одаренным детишкам. Не так давно он вернулся из поездки по Западной Европе, обогащенный новыми идеями и информацией, которую смогли добыть россий-

ские агенты в нейтральных странах, странах союзников и Центральных государствах. Это была очень опасная поездка за казенный счет. За Игнатьевым охотились как противники, так и союзники. У него в голове хранились очень ценные сведения, странно, что он эту голову сохранил.

– На башнях замка установлены прожектора, его охраняют пятнадцать солдат, а если вас заметят поблизости от него, то хлопот не оберешься. Очень любопытно. Не так ли? Места там глухие, все друг друга в округе знают. Чужака вычислят моментально.

Исторический экскурс позабавил Рандулича. Он понимал, что Игнатьев сейчас или чуть позже брякнет какую-нибудь, на его взгляд, сенсацию, за которую газетчики, а возможно, и вражеские агенты, не задумываясь, продадут душу дьяволу. Так повар третьесортного ресторана дает понюхать приготовляемые им блюда голодным посетителям, дожидаясь, когда у тех начнут течь слюнки. Потом их можно кормить. Как правило, чем-нибудь не особенно вкусным. Но Игнатьеву надо поторапливаться, иначе он может растерять слушателей. Рандулич видел, что рассказ полковника начинает раздражать Гайданова. Лицо генерала кривилось. Он порывался вставить какую-нибудь реплику, которая могла бы прокомментировать очередное высказывание Игнатьева. Пока Гайданов держался, однако очевидно, что вскоре он вступит в полемику.

– Я понимаю ваше нетерпение, но подождите еще немного. Приступаю к главному. Профессор Ганноверского университета Вольфрам Тич – известный ученый начала нашего века, о котором, я надеюсь, вы что-то слышали, занимался органической химией и биологией. Он снискал славу и почет у своих коллег. Они считали, что Тич со временем может получить Нобелевскую премию. Но три года назад весь мир облетела печальная весть о том, что Вольфрам Тич погиб в автомобильной катастрофе. Я принес вырезку из журнала «Природа» за май двенадцатого года, где помещена фотография Тича и некролог. А вот другая фотография. Место катастрофы, обгоревший автомобиль. Он ударился в дерево, очевидно, водитель не справился с управлением. Тич обгорел до неузнаваемости, опознали его только по золотому кольцу на безымянном пальце. Сомнительная примета, надо заметить… А теперь я сведу в одно целое первую и вторую части моего повествования. По нашим сведениям, Вольфрам Тич не погиб в той автомобильной катастрофе. Его вовсе не было в автомобиле. Смерть была инсценировкой, разыгранной германским военным ведомством. Нам пришлось изрядно потрудиться, чтобы это установить. Агентурные связи не разглашаю, но сведения заслуживают доверия.

Все три года Вольфрам Тич находился в замке Марienштад, где проводил какие-то исследования. Подчеркиваю, что за их ходом пристально следили высокопоставленные военные. Канцлер во время своей последней поездки в замок (произошло это месяц назад) вручил Тичу орден. Из этого следует, что Тич добился каких-то результатов.

К этому стоит добавить абсолютно фантастический доклад британского военного министерства двухнедельной давности. Он мгновенно был засекречен. В докладе сообщалось, что одно из британских подразделений сражалось с германскими солдатами, которых очень трудно убить. Пули их не брали. У меня есть сведения, которые позволяют связать этот факт с деятельностью Вольфрама Тича. К сожалению, Марienштадом заинтересовалась и Интеллидженс Сервис, но там еще не знают, что Тич жив. Британцы попытаются в ближайшее время выяснить, что происходит в замке. Что они предпримут – я не знаю, но мы должны их обогнать.

Игнатьев сделал паузу, перевел дух и продолжил с таким видом, что все поняли: он добрался до сути.

– Надо захватить этот замок, выкрасть Тича и материалы исследований, но как это сделать – вопрос. Есть предложение задействовать в этой операции штурмовой отряд.

Идея создания штурмового отряда, хотя в то время он назывался совсем иначе, полностью принадлежала внешней разведке. В начале тринадцатого года военное ведомство намеревалось организовать тайную экспедицию на Тибет, поручив столь сложную и нетрадиционную задачу разведке. Там, справедливо полагая, что экспедиции предстоит столкнуться с пробле-

мами, о которых и подумать не могли ни Пржевальский, ни Арсеньев, отнеслись к комплектованию экспедиции очень ответственно. Во главе ее поставили некоего майора Строгалева, что само по себе вызывало недоумение. Было похоже, что в биографии майора не хватало какого-то штриха, который стерли или, скорее, тщательно замазали. Так контрабандисты просят случайного художника нарисовать на холсте известного мастера новую картину. Авось таможенники клюнут на эту хитрость и пропустят полотно через границу. Перед Географическим обществом никаких заслуг за Строгалевым не значилось. Здесь крылся какой-то подвох. Вероятно, отчеты о его экспедициях пылились в недрах других ведомств, путь куда был закрыт почти для всех. Видит бог, эти отчеты существовали, но пройдет не один десяток лет, прежде чем их придадут огласке.

Никто не знал, по какому принципу Строгалев отбирал людей для экспедиции и как это происходило. Никто, за исключением, быть может, самого майора, не знал об их прошлом. Стань оно известно, возможно, кого-то ждала каторга, а кого-то всенародная слава. Жаль, что все закончилось, так и не начавшись. Строгалева нашли мертвым у него на квартире. Скрыть факт его смерти не смогли, но в газетах сообщили, что майор умер от сердечного приступа, и ни слова не сказали о том, что этот приступ вызвали две пули. Убийц не нашли. Подозревали, что за всем этим стояла британская разведка, которая что-то заподозрила и таким образом пыталась сорвать планы русских, что ей в конечном счете и удалось. Подготовка экспедиции задержалась. Достойной замены Строгалеву все не находилось, а потом возникли куда как более острые проблемы. О Тибете пришлось забыть. У разведки забот стало по горло и без этой экспедиции, подобранных для нее людей хотели распустить, но вовремя одумались. Они стали своеобразным полигоном для применения новых технологий в боевых действиях, а поэтому их снабжали самыми современными и экспериментальными видами индивидуальных вооружений. Это была очень дорогая игрушка. Разведка, так и не наигравшись, не знала, что с ней делать дальше, по крайней мере в обозримом будущем. Поэтому ее решили отдать в руки тех, у кого она не будет валяться, забытая в дальнем углу чулана, чтобы испортиться к тому времени, как о ней вспомнят.

Рандулич, в подчинение которого и попал штурмовой отряд, решил выточить запасные детали, пока игрушка еще не сломалась. Все это очень напоминало работу старателя, который копошится в речке и промывает тонны песка, прежде чем отыщет несколько золотых самородков. Успехи были скромными. Генерал не носился с отрядом как с писаной торбой, пылинок с него не сдувал, но все же старался его оберегать и понапрасну не использовать. Наиболее впечатляющей стала операция по захвату стратегически важного моста в тылу германцев. Штурмовики посыпались тогда с небес на головы солдат, охранявших мост, столь же неожиданно, как град посреди жаркого летнего дня. Германцы прийти в себя не успели, организовать достойную оборону не смогли и мост не подорвали, хотя, предвидя скорое наступление русских, заранее разложили под каждой его опорой приличное количество взрывчатки. Штурмовики преподнесли этот мост наступающим русским подразделениям на тарелочке с голубой каемочкой. Разговоры после этих событий улеглись нескоро. Но был грех. Был… Однажды Рандулич не удержался и заткнул отрядом брешь в своей обороне, куда помимо штурмовиков отправил все имеющиеся у него на ту секунду резервы, в состав которых входило еще с полсотни кашеваров, писарей, вестовых, посыльных и тому подобного контингента. Как только у него появилась возможность, он немедленно вывел из боя штурмовиков, заменив их на только что подоспевших пехотинцев Саньганского полка. Семерых штурмовиков он недосчитался. Потери среди писарей, вестовых, посыльных и кашеваров выглядели более внушительно, но гурманом Рандулич никогда не был и готовить пищу для своих частей поручил солдатам, которые проявили хоть какие-то кулинарные способности…

Тем временем Гайданов внимательно и даже с каким-то остервенением перелистывал документы, подготовленные аналитическим отделом внешней разведки. Он делал это так

решительно, что бумажки могли порваться. У генерала с самого начала лекции вертелся на языке вопрос. Прикинув расстояние до замка от любой из авиабаз русских, он понял, что ни один аэроплан его не преодолеет. Это окажется не под силу даже единственному имеющемуся в его распоряжении новому «Муромцу». Разведка должна была это предвидеть. «Ага, – лицо Гайданова просветлело, когда он наткнулся на ответ, – “Муромца” хотят немного покалечить и разместить в нем дополнительные топливные баки. Ну что же, способ не нов. Нагрузить судно до верху топливом – тогда оно доплывет даже до края света, если погода будет ясной. Легкий ураган такое судно сразу же перевернет. Это мы уже проходили».

– Простите, а вы не могли бы обойтись собственными силами? – спросил Рандулич.

– Собрать всех агентов и скопом навалиться на замок? У нас не хватит профессионалов. Кроме того, они находятся в менее хорошей физической форме, чем штурмовики, и главное – они ценнее.

– Благодарю, – холодно отозвался Рандулич.

– Вы позволите мне продолжить?

– Конечно.

Игнатьев докладывал о месторасположении немецких зенитных батарей, доказывая, что их можно легко обойти, а в глубине Германии противовоздушной обороны вообще нет. Военное ведомство уже не один год собирало информацию о направлении воздушных потоков над территорией Германии. Главным образом это делалось для дирижаблей. Но теперь она очень пригодилась. Игнатьев с воодушевлением рассказывал о том, какую полезную нагрузку сможет взять «Илья Муромец», когда на нем установят дополнительные топливные баки.

Изложение плана операции заняло минут десять, после чего Игнатьев остановился, обвел взглядом присутствующих.

– Я закончил и хочу услышать ваши замечания, – сказал он.

– Авантюра! – быстро бросил Гайданов, оторвавшись от бумаг.

Голова Гайданова была начисто лишена растительности и походила на бильярдный шар, обтянутый загорелой, немного подсушенной, но еще не дошедшей до стадии ветхого пергамента кожей. Волосы не росли у него даже на щеках, над губой и на подбородке, так что он не мог похвастаться ни усами, ни бородой. В этом было виновато знойное солнце Востока, которое выжгло все его волосы. Но Гайданов нисколько этим не огорчался. Напротив, он постоянно подшучивал над своими друзьями, у которых были и роскошные усы, и не менее роскошные бороды, замечая, что время, которое они вынуждены уделять своей внешности, можно потратить с большей пользой. В Туркестане он сильно повредил желудок, питаясь непривычной пищей. Нередко она была плохого качества, а жажду приходилось утолять солоноватой водой. С недавних пор желудок генерала скручивало от боли. Справиться с ней Гайданов мог, лишь крепко стиснув зубы. Он старался говорить короткими фразами, чтобы боль не застигла его на полуслове. Любая жирная пища после Туркестана вызывала у него аллергию. Спазмы начинались, стоило только кому-то произнести слова «плов» или «жареный баран».

– Но очень привлекательная авантюра… – сказал Рандулич.

Примерно такие же чувства должны были владеть Кортесом, когда он в сопровождении четырехсот конкистадоров решился покорить Перу. Или горсткой пиратов, которые уничтожили гарнизон Картахены и разграбили этот богатый город. Или ватажниками Ермака, присоединивших к Русскому государству самые богатые ее земли, которые кормят его уже не первое столетие и еще сотни лет будут его кормить.

– Согласен, – сказал Гайданов. – Но в этом плане есть по меньшей мере один слабый момент. Что вы будете делать, если «Муромец» по каким-то причинам не сможет забрать штурмовиков обратно?

– Снабдим их соответствующими инструкциями. Мои агенты постараются переправить их в нейтральные страны. Но в любом случае, я уверен, что они уничтожат замок. Напомню, что им заинтересовались британцы, – ответил Игнатьев.

«Подложить свинью британцам – что может быть приятнее?» – подумал Рандулич. Британская империя пока еще оставалась в числе союзников, но было очевидно, что она вновь станет главным врагом России, после того как Центральные государства будут разбиты, а в Антанте начнется раскол. В глубине души Рандулич никак не мог смириться с мыслью, что ему приходиться воевать на одной с англичанами стороне. Он относился к этой стране и ее имперским амбициям более чем прохладно. На левом предплечье Рандулич носил рваный безобразный шрам, оставшийся от английской разрывной пули «дум-дум». Этот шрам – личная обида. О ней можно не вспоминать, хотя в сырую и промозглую погоду это довольно трудно. Но многое Рандулич простить англичанам не мог. Крым – забытая история. Гораздо свежее была память о Балканской кампании. Если бы не англичане, то Константинополь еще тридцать пять лет назад стал бы русским. Османская империя уже тогда стояла на краю пропасти, а у России было достаточно сил, чтобы подтолкнуть ее. Теперь же придется положить не одну сотню тысяч русских мужиков, чтобы получить то, за что однажды уже было заплачено. Китай, Индия, Тибет, Средняя Азия повсюду интересы России сталкивались с интересами Британии, и во всех случаях они смотрели друг на друга, как боевые псы, готовые сорваться с привязи и броситься перегрызать глотку врагу. Их связала Франция. Она стала прослойкой. Но и союзнические обязательства перед Францией так же дорого стоили России, которая, спасая Париж и отвлекая на себя немцев, бросила в наступление неподготовленную армию генерала Самсонова. Черт с ним, с Парижем. Французы палец о палец не ударят, если подобная ситуация, не дай бог, сложится под Санкт-Петербургом или Москвой. Россия находится слишком близко от театра военных действий. Любой конфликт в Европе обязательно коснется и ее. Вот только хорошо бы, чтобы она вступила в войну как можно позже, когда Антанта и Тройственный союз уже ослабнут. Тогда, меньшими потерями можно добиться больших результатов. Рандулич не сомневался, что именно так поступят САСШ, хотя пока эта страна на словах придерживалась нейтралитета. Но это означало лишь, что она продавала оружие обеим воюющим сторонам. САСШ вряд ли упустят возможность получить кусок пирога, когда дело пойдет к дележу.

– Мне кажется, что операция оправданна. Господа, затягивая ее начало, мы только упустим время, и тогда осуществить ее будет крайне сложно или даже вовсе невозможно. А может, и слишком поздно, – это заговорил до той поры молчавший светлейший князь.

Он стоял возле окна, смотрел на улицу, по которой маршировала пехотная рота, распевая какую-то песню. Солдаты бесшумно хлопали ртами, потому что окна не пропускали с улицы ни звука. Светлейший князь, наблюдая за губами солдат, хотел догадаться, какую песню они поют. Его лицо было в глубоких порезах, как будто он брился тупой бритвой и при этом у него так дрожали руки, что он задел лезвием нос и брови. Больше всего, как это ни странно, досталось лбу, и чтобы остановить там кровь, пришлось даже наложить повязку. Такое бывает с очень тягостного похмелья. Оставалось радоваться только тому, что он не повредил глаза. На самом деле накануне вечером автомобиль светлейшего князя обстрелял «фоккер». Он заходил на цель сзади и пропахал пулеметной очередью дорогу. Водитель, услышав звуки выстрелов, успел вывернуть руль в сторону. Когда пули забарабанили по автомобилю, они вспороли лишь заднее сиденье. Биплан заложил левый вираж. Развернулся. У него ушло на это не более минуты. На этот раз он бросил бомбу. Она взорвалась немного впереди автомобиля. Взрывная волна разбила лобовое стекло на тысячу осколков и плеснула ими в лица водителя и князя. Осколки бомбы пролетели стороной. Великолепный автомобиль, сделанный по индивидуальному заказу фирмой «Дукс», предмет гордости светлейшего князя, был испорчен. Это огорчало светлейшего. Но техники обещали автомобиль исправить.

На подоконнике, уже соскучившемся по мягким поглаживаниям тряпки, накопилась пыль, а в правом верхнем углу оконной рамы расставил сети паук, выжидая в укрытии, когда же в них попадется муха.

Наконец светлейший князь узнал песню, тихо повторив несколько слов. Его улыбка стала еще шире, когда он понял, что не ошибся и движения его губ в точности совпали с артикуляцией солдат. И тогда он потерял интерес к происходящему на улице.

– Рискнуть стоит. Иначе мы будем топтаться на месте и ждать, когда с неба грянет гром. Меня беспокоит только, что в случае неудачи, новейший «Илья Муромец» или его остатки, а так же рация последней конструкции, которая будет у штурмового отряда, могут попасть к немцам. Это секретные разработки. Дарить их германцам никак нельзя.

– Да, да! – затараторил Игнатьев. – Ваша светлость правильно подметили. Если возникнет вероятность, что они могут попасть в руки немцев, то и рацию, и аэроплан надо уничтожить.

– Легко сказать, – скептически проворчал Гайданов, а потом махнул рукой.

Для осуществления его давней мечты – челночной бомбардировки заводов Крупа в Эссене – одного нового «Ильи Муромца» было недостаточно. Генералу была нужна эскадра таких бомбардировщиков. Он знал, что получит ее только через месяц, а до того времени – будет ли у него новый бомбардировщик или его не будет – безразлично.

Генералы могли сколько угодно отстаивать друг перед другом свою точку зрения: при примерно равном соотношении сил последнее слово оставалось за светлейшим князем. Более того, его мнение могло перевесить и точку зрения абсолютного большинства, хотя он редко пользовался эти правом, обычно поддерживая сторону, получавшую преимущество.

– Я рад, что вы одобрили план операции, – лицо Игнатьева сияло, как у кота, который забрался в кладовку и вылизал до дна крынку сметаны.

Теперь им осталось разучить роли…

Глава вторая

Даже здоровый человек со временем превратится в госпитале в больного, а степень серьезности заболевания будет зависеть от того, сколько он проведет здесь времени. Пижама на Мазурове была мятая. Он стеснялся в ней ходить и большую часть времени проводил в палате, валясь на кровати. Это было приятно. У остальных выздоравливающих наряды были ничем не лучше. Шили пижамы, очевидно, на той же фабрике, что и арестантские робы, поэтому, когда выздоравливающие ходили по парку, казалось, что это заключенных вывели на ежедневную прогулку. Ничем они уже не напоминали бравых вояк, от одного вида которых германские и австро-венгерские войска могли броситься наутек. Никто их теперь не испугается. Ну, может, кассир в банке или продавец в магазине, которые решат, что их пришли грабить.

Лето заканчивалось. Когда польют дожди, выздоравливающие лишатся даже незатейливого развлечения в виде прогулки. Останется им лишь одно – сидеть по палатам, смотреть, как по стеклам стекают струйки дождя, а за окнами беснуется ветер, раскачивая деревья и срывая с них последнюю листву.

Мазуров распустился, перестал держать себя в форме и брился раз в два дня. К его огорчению, когда в палату вошел Рандулич, подбородок и щеки украшала молодая поросль щетины, успевшая пробиться на коже за минувшие сутки. Как галантный кавалер, генерал пропустил впереди себя даму, так что вернее было бы сказать, что на пороге палаты, в которой лежал Мазуров, появилась вначале сестра милосердия. Мазуров расплылся в улыбке и хотел уже было отвесить очередной комплимент, подметив, как она сегодня великолепно выглядит. Обычно после таких слов лицо сестры милосердия заливалось краской. Она смущалась, опускала взор, чем приводила Мазурова в веселое настроение. Кем она была? Дочкой богатого купца, которой надоело внимание поклонников? Мазуров все хотел расспросить ее об этом. Он почти решился уже, но следом за ней вошел Рандулич.

– К вам господин генерал, – сказала сестра милосердия, немного запинаясь.

Мазуров и без этого представления догадался, кто к нему пожаловал. Признаться, он был рад этому визиту – хоть какое-то светлое пятно в серой госпитальной жизни.

Вначале Мазурову показалось, что генерал, видимо, оказавшись где-то неподалеку, решил навестить своего подчиненного. Но увидев, как он многозначительно посмотрел на сестру милосердия, после чего та удалилась, капитан понял, что разговор будет серьезный. Да и своего адъютанта генерал оставил в автомобиле… Мазуров корил себя, что не обратил внимания на то, как подъехал «руссо-балт» генерала. Он мог бы успеть расправиться со щетиной.

– Здравствуй, Николай, – сказал генерал.

Мазуров с трудом мог определить, сколько сейчас времени. Часы-ходики, которые так раздражали своим тиканьем, к счастью, сломались и теперь не беспокоили его по ночам. Стрелки застыли на отметке половина седьмого. Кровать располагалась слишком далеко от окна, поэтому он не видел, насколько высоко поднялось солнце. Лишь по теням, которые отбрасывали на подоконник деревья, капитан предположил, что сейчас около десяти утра. Ему стало стыдно, что он в такое позднее время все еще валяется в кровати. Мазуров уже не первый день уговаривал главного врача отпустить его. Но тот стоял, как неприступная крепость, несмотря на милый характер и беззащитную внешность.

Если бы не отсутствие наград на груди, можно было подумать, что генерал приехал с парада или со смотра вверенных ему частей. С него можно хоть сейчас писать картину или плакат. Лицо Рандулича потемнело. Не только от загара, но и от пыли. Лишь вокруг глаз – там, где, видимо, в дороге их оберегали очки, – кожа была светлой и чистой. Мазурову хотелось о многом его расспросить, но он ждал, когда генерал объяснит цель своего визита. Однако поначалу Рандулич осведомился о самочувствии. Внимательно выслушал ответ, покачивая головой

и о чем-то размышляя. Он мерил палату шагами. Напрасная трата времени. Мазуров мог сказать ему, что в длину она четыре с половиной метра и два с половиной в ширину. Генерал подошел к окну и долго смотрел на улицу. Когда он повернулся, то улыбнулся, хитро сощурив веки, и сделался похожим на лиса, который собирается наплести цыпленку кучу небылиц, чтобы тот добровольно согласился пойти с ним в лес.

– Боюсь, что я с плохими вестями. Мне хочется прервать твой отпуск.

– Это хорошие новости, – сказал Мазуров.

Он смотрел на генерала, думая, что тот сейчас ему все выложит, но ошибся.

– Сколько тебе нужно времени на сборы?

– Минут десять.

– Хорошо. Собирайся. С главврачом я все улажу.

Очень скоро выяснилось, что беседовать с водителем, которому генерал Рандулич поручил доставить Мазурова к тренировочной базе, все равно, что общаться с человеком, который находится на Марсе или на Венере. Фразы запаздывали, а в диалоге было очень много пустот, поскольку водитель по натуре был молчалив и слишком долго подбирал нужные слова.

Он важно и лениво поглядывал на дорогу, погрузившись в собственные мысли, но если вывернуть их наизнанку, то на свет полезли бы такие замысловатые слова, как картер, стартер, гидравлический привод и прочие премудрости. От них у простого обывателя, а к ним иногда причислял себя и Мазуров, кругом пойдет голова, словно ты решил одолеть на сон грядущий учебник по высшей математике, физике или астрономии и явно переоценил свои возможности.

Мазуров совсем недавно избавился от болезненных ощущений в голове. Они появились там после того, как Рандулич за очень короткое время выплеснул на него поток разнообразных сведений, касающихся предстоящей операции. Сведения эти не могли сразу разложиться по полочкам и бродили по мозгу, выискивая там закоулки, в которых можно прилечь и успокоиться. Мазуров не нашел эти ощущения приятными и возвращать их обратно не собирался.

Его возбуждение постепенно улеглось, застыло, как застывает цемент. Вязкая пластичная масса, из которой можно сделать все что угодно, превратилась во что-то твердое и неподатливое. Покрасневшие глаза капитана, словно он долго не спал, чесались от пыли. Рука тоже была в пыли. Тереть сейчас глаза рукой – все равно что провести по ним наждачной бумагой.

Периодические подпрыгивания автомобиля на кочках укачивали. Мазуров ловил себя на том, что время от времени начинает склоняться к панели приборов. Лишь в самый последний момент ему удавалось ухватиться за край ускользающего сознания, иначе он впал бы в беспамятство. Капитан уже с ностальгией вспоминал госпиталь, где мог проваляться в постели до обеда.

Первоначальная задача, стоявшая перед ним, была очень проста: отобрать девять штурмовиков. Ставку он решил сделать на старую гвардию. Старый конь борозды не испортит.

Как там было? Капитан Билли протянул руку, думая, что ему дадут золото, но в его ладони оказалась черная метка. Что-то вроде этого. Старый пират очень расстроился. Кажется, его хватил припадок. Мазурову нужно было раздать аж девять таких меток, но самое удивительное заключалось в том, что те, кому они не достанутся, обидятся на него, посчитав себя обделенными. Глупые. В мире существует так много способов для самоубийства. Некоторые из них даже доставляют удовольствие.

Нельзя сказать, что Мазуров остался в восторге от услышанного. Все это очень напоминало тот случай, когда римский император, решив проверить преданность своих солдат, послал один из легионов на Восток, приказав ему завоевывать все земли, которые будут лежать на их пути.

Интересно было бы посмотреть на реакцию этого властелина, если б эти легионеры, обожженные солнцем далеких стран, вернулись в Рим, чтобы бросить к его ногам полмира. Стал бы он раздумывать над тем, а не приказать ли им завоевать другую половину? Но легионеры

были всего лишь людьми, хотя некоторые из тех, кого они встречали по дороге на Восток, полагали, что это боги сошли с небес. Ходили легенды, что прежде чем растаять, остатки легиона смогли добраться до Индии, а там их след затерялся. Император вовсе не наделся, что его солдатам удастся дойти до края света и вернуться обратно. Рандулич же придерживался противоположной точки зрения. Да и штурмовиков он посылал совсем не на край света, а всего лишь в Германию.

Мазуров ощущал себя человеком, стоящим на берегу, а возле его ног закручивается спиралью водоворот. От этого ощущения мурашки ползли по телу. Осталось совсем немного времени до того, как он бросится в водоворот, а потом… Можно сходить к хироманту и узнать уже сейчас, что будет потом. За прием тот брал всего десять рублей, а если ему немного увеличить гонорар, то хиромант обещал научить тому, как обойти все препятствия. В последнее время его приемная обычно пустовала, потому что никто не хотел знать свое будущее. Оно могло оказаться таким страшным, что к настоящему примешается горьковатый привкус, и дальше жить расхочется.

Автомобиль подъехал к тренировочной базе. Лобовое стекло запылилось, а мир погрузился в желтоватый, разъедающий все вокруг туман. Из КПП выбежал солдат, принялся открывать ворота. Он налег на щеколду, потянул ее на себя, лицо его так исказилось, будто он взялся за очень тяжелую работу, то ли хотел завязать узлом кочергу, то ли разогнуть подкову. Щеколда вначале сопротивлялась, а потом резко поддалась, точно сломалась.

– Богатырь, – процедил водитель.

Солдат едва не упал, потеряв равновесие. Его спасло только то, что он продолжал держаться за щеколду. В пыль упала лишь фуражка. Солдат резво поднял ее, отряхнул, ударив о колено, нахлобучил на голову, но немного криво, кокарда глядела в сторону, как глаз косого циклопа.

Потом он распахнул створки ворот, вытянулся возле них, приложил ладонь к голове, но выглядело это комично. Мазуров выбрался из автомобиля, забрал с заднего сиденья вещмешок, отдал очки водителю.

– Спасибо. Дальше пойду сам.

Он мог бы сделать это и пораньше. Тогда солдату не пришлось бы надрываться и так мучиться с воротами.

– Счастливо оставаться, – сказал водитель.

Он чуть проехал вперед, затем дал задний ход, лихо развернулся на узкой дорожке, лишь немного заехав на обочину задними колесами, а потом помчался обратно в город, отмечая свой путь густым шлейфом пыли, сквозь который было невозможно рассмотреть автомобиль.

Мазурову не понадобилось много аргументов, чтобы уговорить Рандулича вместо привычных мешков с соломой, подвешенных словно висельники на веревках и предназначенных для отработки штыковых ударов, отгрохать здесь более грандиозное сооружение. Он уверял генерала, что капитальные расходы окупятся сторицей при подготовке новобранцев.

Лагерь был рассчитан на три роты. Деревянные бараки стояли в один ряд. Их сложили из обтесанных бревен, покрашенных зеленой краской, и накрыли покатыми деревянными крышами. Они напоминали бы разросшиеся до невообразимых размеров деревенские домишки, если б на окнах у них были резные наличники.

Дальше лежал плац. Этот прямоугольник земли так вытоптали и утрамбовали тысячами ног, которые промаршировали по нему, что во время дождя вода почти не впитывалась, оставаясь подолгу на поверхности и собираясь в огромные лужи. Солнце очень долго не могло их высушить.

Большинство новобранцев винтовки в руках не держали, стрелять не умели, а со штыком они пытались обращаться в лучшем случае как с вилами. Поэтому почетное место на тре-

нировочной базе занимали все те же виселицы с мешками, набитыми соломой. За день они получали так много ударов, что штопать их смысла уже не было. Через пару недель каторжного изучения возможностей винтовки, ее составных частей и того, в каком порядке ее нужно собирать и разбирать, новобранцы привычным движением передергивали затворы, отправляя патроны в казенник, а потом с завидным спокойствием загоняли пулю за пулей в мишени.

Легкое движение, которым отводишь штык противника в сторону, уже не было для них какой-то непонятной китайской грамотой. Учитывая, что у немцев сейчас на передовой все больше появлялось почти не обученных частей, воспитанники тренировочной базы в рукопашной получали над ними неоспоримое превосходство, а если встретишь ветерана, то лучше положиться на пулю.

Ландшафт завершали полоса препятствий, имитация заграждений из колючей проволоки и стрельбище. Оно располагалось в отдалении, чтобы звуки выстрелов не заглушали команд, и упиралось в основание холма, который насыпали здесь люди. Возле него ставились мишени. Пули застревали в склоне холма. Встревоженная выстрелами земля осыпалась. Почти каждый день ее нужно было убирать. Когда-нибудь они пробьют этот холм насквозь.

Город лежал примерно в пяти километрах от лагеря, доставлявшего горожанам большое беспокойство. Но они зла не держали, в своих неудобствах винили исключительно германцев и австро-венгров, а на базу присылали продукты: свежий хлеб, мясо и овощи. Один из городских предпринимателей и вовсе каждую неделю пригонял сюда грузовик со всевозможным провиантом.

Немая сцена из категории «не ждали». Мазуров стоял один-одинешенек, никто его не встречал, а он, словно путник, оказавшийся здесь впервые, выискивал глазами кого-нибудь, кто согласится выступить в качестве проводника. Была в этом и положительная сторона – никто не гнал его прочь, злых собак с цепи не спускал, и на том спасибо. Солдат тем временем запахнул створки ворот и со скучающим видом продолжил нести тяжкую ношу по охране вверенного ему участка.

Он возьмет с собой первого же встреченного штурмовика. Он дал себе слово, как тот джинн, что тысячу лет провалялся на дне океана в запечатанном кувшине. И вместе с тем он знал, что если этот штурмовик не будет среди тех, кого он уже отобрал, он слово свое нарушит. Но ему повезло. Кривить душой не пришлось. Со стороны казарм к нему шел Сергей Рогоколь. Долговязый и худой, точно врачи долго морили его голодом, прописав разные диеты, и немного переусердствовали. Он шел раскачивающейся походкой, руки дергались вдоль тела, точно их поразила болезнь святого Витта. Больше всего на свете Рогоколь напоминал деревянную игрушку, этакого Пиноккио, у которого вместо суставов проволочки. У него всегда был вид человека, который может в любую секунду упасть в голодный обморок. Завидев Сергея на улице, сердобольные хозяюшки, вздохнув и разведя руками, уговаривали его зайти к ним в дом, чтобы откушать чего-нибудь. А может, они звали штурмовика для чего-то другого. У него было одно неоспоримое достоинство. Рогоколь не понимал разве что язык зверей, на всех же остальных, даже если никогда прежде не слышал, он через какое-то время мог вполне сносно изъясняться. Он умел находить общий язык с кем угодно, не только с сердобольными хозяюшками, впрочем, их он тоже не обделял своим вниманием. Почти каждый, кто слышал его фамилию, порывался спросить – кем ему приходиться министр сельского хозяйства. Эти вопросы Сергею надоели. Он старался поскорее отделаться от них, отвечая, что с министром они просто однофамильцы, после чего вопрошающий терял интерес к этой теме.

– Рогоколь. Ты-то мне и нужен, – сказал Мазуров.

– Рад приветствовать вас, господин капитан! – быстро сориентировался в ситуации штурмовик.

– Брось этот церемониал. Здравствуй. Я тоже рад тебя видеть. Где остальные?

– Мучают новобранцев.

– Это хорошо…

Со стороны плаца донесся стройный хор.

– Неплохо поют, – сказал Мазуров.

– Да. Запевала у них отличный. Немного подучится и может выходить на сцену, а мы его не тому учим, – если начало фразы было сказано с оптимизмом и с каким-то мечтательным выражением на лице, то к ее концу Рогоколь совсем сник.

– Какие новости?

– Неделю назад приезжал князь Иван Михайлович. Посмотрел, как мы тут живем, что делаем. Остался доволен. Покинул нас в приподнятом настроении. Вот, пожалуй, и все. Засиделись мы тут, – грустно добавил штурмовик.

– Это легко исправить. Пойдем.

Мазуров погнал штурмовиков на полосу препятствий для чувства собственного удовлетворения. Он знал их не первый год, а за те несколько месяцев, что они не виделись, вернее – он не видел их в деле, поскольку штурмовики несколько раз наведывались к нему в госпиталь, так вот, за эти несколько месяцев они не могли растерять свои навыки и не успели обрасти жиром и ленью. Если это все-таки произошло, стоило прикинуть, сколько потребуется времени, чтобы вернуть их в прежнюю форму.

Он смотрел, как штурмовики взбираются по канату на вышку. Под ней закреплялся раскрытый купол парашюта. У каната было удобное сечение. Его приятно было обхватывать рукой и подтягиваться, чувствуя силу мышц и легкую приятную боль от их напряжения.

У него вдруг заколoло сердце. Перед глазами возник поручик Истомин. Его парашют запутался в железных фермах моста, как в паутине, а сам Истомин походил на марионетку. Сразу несколько пуль заставили его успокоиться. Но до того, когда Истомин понял, что не сумеет освободиться, а даже если это и произойдет, то все равно он разобьется или покалечится падая, поскольку висел он на приличной высоте, и от него не будет никакого толку в бою, тогда он сделал несколько выстрелов по обороняющимся немцам. Он находился в отличной позиции, с которой хорошо было видно, куда нужно стрелять. Лучше не придумаешь.

Игоря Рингартена Мазуров впервые увидел в цирке. Это произошло в Одессе. Давно это было. Тогда Мазуров еще серьезно подумывал стать астрономом и учился на соответствующем факультете университета, куда поступил он с заметным скрипом и трудностями. У него был великолепный цейссовский телескоп. Он вписывался в обстановку чердака, заваленного книгами, где Мазуров проводил большую часть ночей, примерно так же, как дредноут гармонировал с туземной деревушкой Новой Гвинеи.

Иногда Мазуров отправлялся развеяться, чтобы немного проветрить слишком засорившиеся от всевозможных вычислений мозги. В один из таких дней знакомая затащила его в цирк-шапито, уверяя, что он получит ни с чем несравнимое удовольствие. С этим утверждением Мазуров хотел поспорить с самого начала, но потом решил подождать до конца представления.

Возле циркового шатра, возведенного на центральной площади города, как обычно, бурлила толпа. Перед представлением здесь можно было немного поразвлечься, попробовав набросить кольцо на деревянный штырь, или поесть сладостей. Клоуны что-то кричали, зазывая и подзадоривая публику, а мрачные борцы, обнаженные по пояс, чтобы всем были видны их мощные мышцы, напротив, вселяли ужас.

Мазуров прыгал по воспоминаниям, как будто шел по болоту, наступая лишь на кочки и проходя мимо топкой жижи. Болотной жижей были выступления клоунов, гимнастов, силачей. Мазуров заметно скучал, изредка зевая и думая, что деньги на билеты потрачены впустую. Им вполне нашлось бы более достойное применение. От выступления дрессировщика, которого сопровождали три не очень откормленных тигра, Мазуров тоже не ждал ничего сногсшиба-

тельного и запоминающегося. Но один из тигров почему-то испугался кольца, объятого пламенем. Зверь сидел на невысокой тумбе, поджав передние лапы, и ни за что не соглашался прыгать в кольцо. Словесные доводы дрессировщика, который начинал уже хрипеть, его не убедили. Это становилось интересно, и Мазуров прогнал сон. Дрессировщик до самого последнего момента пребывал в убеждении, что контролирует ситуацию. Исчерпав запас красноречия или, что более очевидно, окончательно сорвав голос, он хлестнул зверя кнутом. Тигр зарычал, оскалил внушительных размеров клыки, но ограничился лишь этим, видимо, думая, что конфликт можно разрешить дипломатическими методами. Он остался равнодушен к призывам дрессировщика. Тому бы объяснить тигру на ухо, что за эту провинность он сегодня мяса не получит, но дрессировщик не стал действовать так тонко, а решил сломать кнут о спину и морду тигра. Зверь вел себя миролюбиво – огрызался, увертывался от кнута, пытаясь поймать его лапой или выбить из рук, но всему есть предел. Вспышка фотоаппарата заставила перейти его к более активным действиям. Он прыгнул, но не в кольцо… Задние лапы еще не успели оторваться от тумбы, когда передние уже начали подминать под себя дрессировщика, точно тигр хотел обнять и сказать ему: «Ну что ты так рассердился, хозяин?» Из глубоких порезов на лице и плечах человека брызнула кровь. Она тут же впиталась в опилки, усыпавшие арену. Дрессировщик закричал от боли. Его рука, потянувшаяся к карману брюк за пистолетом, оказалась перебита и безжизненно повисла. Он дернулся, только теперь очевидно осознав, что пришло время расплаты.

Цирк наполнился испуганными криками. Они затопили все пространство, поднялись под купол и были настолько сильными, что разобрать отдельные слова или голоса было уже нельзя, а барабанные перепонки могли лопнуть. Еще одна вспышка фотоаппарата ослепила тигра. Тот понял, что сделал что-то не так, чем еще больше усугубил свою вину, с сожалением оставил дрессировщика и прыгнул на решетку, которая разделяла арену и зрителей. Зверь решил, что причина всех его бед кроется в фотоаппарате. С ним надо поскорее разделаться, может, тогда удастся помириться с дрессировщиком. Решетка содрогнулась. Сегменты, из которых она состояла, разошлись. Спутница Мазурова кричала. Ее глаза вылезли из орбит от страха. Она боялась, что стоит сделать шаг, как тигр бросится к ней. Ее ноги будто приклеились, а скинуть туфли она не догадалась. «Не бойся, – сказал ей Мазуров. – Все обойдется». Она ему не поверила и продолжала кричать. Остальные зрители не стали дожидаться, когда решетка рухнет, вскочили в едином порыве со своих мест, бросились к выходам. Возле них тут же образовались толпы. В результате выходы пропускали гораздо меньше людей, чем могли бы.

Точно так же спасаются с тонущего корабля, который погружается в воду. Беда в том, что вода пребывает так быстро, что спасется лишь тот, кто сумеет выбраться в первые минуты, а остальные…

Их ждала незавидная судьба, но тигр от такого количества мечущихся в ужасе людей растерялся, сел на краю манежа и стал наблюдать за происходящим, видимо, пытаясь догадаться, отчего это зрители так всполошились.

Под ногами валялись сумочки, веера, растоптанные шляпки, перчатки. Идеальная ситуация для карманников. Ко всему прочему свет приглушили. Никто не подумал, что глаза тигра более чувствительны в темноте, чем глаза человека. Это еще больше усилило панику.

В этот самый момент Мазуров увидел человека, который, как ни в чем не бывало, сидел в третьем ряду и с интересом смотрел на манеж, будто там все еще продолжалось представление. Он улыбнулся, медленно махнул рукой тигру. Тот покорно двинулся в свою клетку. Много позднее Мазуров встретил этого человека в штурмовом отряде. Его звали Игорь Рингартен.

Происшествие в цирке попало во все утренние выпуски городских газет. Ночью их пришлось срочно переверстывать и заменять первую полосу, но владельцы потирали руки от радости. Они должны были выставить тигру столько мяса, что у того мог бы случиться заворот кишок от переедания, поскольку тираж газет мгновенно подскочил, и утром их разбирали, как

только что испеченные пирожки. Только наборщики всю ночь поминали возмутителя спокойствия недобрыми словами. Их вполне хватило бы, чтобы тигр издох от приступов икоты.

Репортеры взяли в оборот только что пришедшего в себя после пережитых волнений дрессировщика. Да, все-таки – болевой шок, сломанные ребра, синяки, ссадины и шишки, не обошлось и без частичной потери памяти, а как иначе объяснить то, что дрессировщик уверял всех, будто это именно он загнал взбунтовавшегося тигра в клетку. Помощники боялись говорить ему, что в то время, как тигр все еще сидел в раздумьях на арене, они оттащили недвижное тело своего наставника в безопасное место. Мазуров с некоторой долей удовольствия читал бойко написанные статьи, в которых, как это водится, всех пострадавших в давке и сутолоке отнесли к жертвам буйства тигра. Им настоятельно рекомендовалось потребовать компенсации от руководства цирка. Великолепные фотографии украшали первые страницы. Тигр застыл готовый к прыжку. Вот он подмял под себя дрессировщика. Вот он ломает сетку. Дрожь берет. Как и следовало ожидать, репортеры забыли написать только о том, как все было на самом деле. Ну да бог с ними.

– Ты оказалась права, – сказал Мазуров своей знакомой, когда волнения улеглись. – Я получил удовольствие от представления.

Спуск с парашютной вышки не мог заменить настоящих прыжков. Эта часть подготовки проводилась скорее для того, чтобы штурмовики не разучились приземляться и не забыли, как нужно отстегивать лямки, избавляясь от парашюта.

Игорь рванулся вперед, прыгнул на земляной барьер, а следующим шагом попробовал перемахнуть через яму шириной метра полтора, заполненную грязной жижей, которую вырыли прямо за барьером. Жижа доходила до поверхности земли, поэтому сказать какой глубины яма можно было только после того, как в нее угодишь. Игорь не стал это проверять. Сильно оттолкнувшись ногой, он приземлился по ту сторону ямы на обе ноги, но слишком близко к краю. Подошвы ботинок заскользили, он пошатнулся, стал сползать в яму, но вовремя пригнулся, уперся руками в землю и, бросив тело вперед, сумел-таки избежать падения. Он наткнулся на заграждение из колючей проволоки, а сразу за ним возникла мишень. У Игоря начинало перехватывать дыхание, отчего рука с пистолетом немного дрожала. Тем не менее он сумел всадить две пули в мишень, до того как она исчезла, и был уверен, что выбил как минимум 18. Он хотел упасть на землю, но увидел тонкую, почти сливающуюся с травой натянутую проволочку, конец которой был привязан к мине. Игорь едва не задел ее, а носок его ботинка отделяло от проволочки сантиметров двадцать. Он улыбнулся, быстро переступил через проволочку на полусогнутых ногах, стараясь не дотрагиваться до нее, хотя для того, чтобы мина взорвалась, необходимо было проволочку рвануть. Он тут же лег на живот, почти касаясь головой железных колючек – настолько мало было свободного места, достал кусачки и стал резать проволоку, расчищая проход в заграждении. Проволока оказалась жесткой. Как только Игорь перерезал ее, обрубленные концы со свистом распрямились, рассекая воздух, как кнут или сабля. Они были опасны и могли сильно поранить, поэтому приходилось быть особенно осторожным. И все же пару раз проволока коснулась его, один раз ухватив гимнастерку на плече, а в другой раз прочертив на щеке борозду. Порез был неглубоким. Проволока только разорвала кожу, но щека сразу зазудела и зачесалась. Кровь размазалась по лицу, смешиваясь с маскировочной краской.

Дальше располагалось бревно на подставках, по которому нужно было пробежать. Задача сама по себе несложная, если не учитывать, что поверхность бревна была настолько скользкая, что по ней трудно было сделать даже один шаг.

Строй перекладин, подвешенных на высоте двух с половиной метров над землей, но к этому препятствию руки уже успевали немного отдохнуть, а на нем отдыхали ноги.

Затем двухметровый щит, сбитый из обструганных досок. Он походил на кусок обычного забора, выпиленного из ограды какого-нибудь дома. Его выкрасили в зеленый цвет, но дождь, ветер и снег уже почти стерли краску, обнажив посеревшее, потрескавшееся дерево. Рингартен уцепился руками за его край, одновременно подтягиваясь, толкая тело вначале ногами, а затем и руками, так что он перемахнул через щит с такой легкостью, будто в подошвы ботинок вставили пружины.

Когда Игорь добрался до конца полосы препятствий, его сердце стучало так сильно, что казалось, сумеет пробить грудную клетку, вывалится из раны и повиснет, удерживаемое только жгутами вен. По ногам разлилась тяжесть, как будто в кровь впрыснули цементную крошку и теперь они уже перемешались и начинают медленно застывать. Тяжелое дыхание с хрипом вырывалось из груди. Горло саднило. Оно походило на жерло вулкана, из которого с минуты на минуту должна извергнуться лава. Рот пересох. На губах присохли хлопья пены. Если провести по ним языком, то можно почувствовать соль, похожую на следы испарившейся морской воды. Больше всего на свете Рингартену хотелось закрыть глаза (все равно, кроме мерцающих вспышек, он почти ничего не видел), присесть, а лучше полежать хотя бы несколько минут. Он знал, что этого будет достаточно для того, чтобы восстановить почти все функции тела.

– Неплохо, – сказал Мазуров, похлопывая Игоря по плечу. Он делал это не сильно, но Рингартен согнулся в поясе, будто на него взвалили огромный мешок с мукой.

– Что нас на этот раз ожидает? – каждое слово давалось ему с трудом. После того как Игорь произносил его, проходило несколько мгновений, прежде чем он, отдышавшись, набирал сил для нового слова.

– Пока не время говорить об этом.

– Значит, ты возьмешь не всех, – Рингартен не спрашивал, а констатировал факт.

– Не всех, – кивнул Мазуров. – Но не беспокойся, для тебя я зарезервировал одно из мест.

– Ты очень любезен.

У него были тонкие красивые черты лица, но если его легонько ударить кулаком в нос и губы, лицо станет безобразным. Это многим приходило в голову. Когда-то Игорь зарабатывал себе на жизнь, играя в карты в модных клубах. Ему не приходилось даже шельмовать. Он читал мысли соперника, узнавал его карты и обыгрывал почти до нитки, оставляя только на пролетку до дома. Он играл со всеми, но обыгрывал не всех, а только тех, кто ему не нравился. Как же они его ненавидели! Когда два нанятых громилы сильно отдубасили Игоря, он понял, что пришло время обучиться приемам самообороны. В самом деле – не таскать же повсюду за собой охрану. Он потратил на это два года, а чуть позже освоил и приемы нападения… У него были большие голубые глаза. Игорь умел делать их удивленно-невинными, хотя обычно они оставались хитрыми. Черные короткие волосы и густые черные брови. Если его состарить лет на десять и испачкать лицо тонкой полоской усиков прямо над губой, он стал бы вылитым Максом Линдером. Мазуров назвал бы его обаятельным мерзавцем.

В разговорах с близкими друзьями (а их у Игоря почти и не было) он любил повторять, что его «прапра» и так еще семь раз подряд бабушку инквизиторы сожгли на костре, обвинив в колдовстве. Если бы Игорь родился чуть раньше, ему вряд ли удалось бы избежать похожей судьбы…

Но Рингартену досталась только третья строчка в списке Мазурова. Какая разница? Никакой. Все равно – стоит ли он третьим или десятым. Все попадут. А вторым, сразу за Мазуровым был Петр Азаров. Все его недостатки компенсировались тем, что лучше Азарова никто не мог управляться с рацией. Более того, до войны он работал консультантом в фирме Попова, и несколько его предложений изобретатель радио учел при проектировании нового аппарата, который теперь находился в распоряжении штурмовиков.

А вот еще одна занимательная личность. Женя Колбасьев. Из арбалета он мог пробить пятикопеечную монету на расстоянии сорока метров, при этом стрела редко отклонялась от

центра монетки. Где и главное зачем он обучился этому – капитан не знал. Эти навыки могли казаться бесполезными, если не брать в расчет то, что с более современными видами оружия Колбасьев обращался не хуже, чем с арбалетом.

Мазуров пришел к выводу, что если война закончится и они останутся не у дел, то можно организовать передвижной цирк, устраивать представления, кочевать из города в город, демонстрируя свое мастерство. Колбасьев будет повторять подвиги Вильгельма Телля, а подставкой для яблока будет служить, скажем, Андрей Ремизов. Кто-кто, а он-то не должен бояться стрел. У него на левом боку был очень красивый шрам в форме звездочки, как раз такие отметины обычно и оставляют после себя стрелы. На женщин этот шрам производил, наверное, такое же впечатление, как серебряный браслет офицеров минных тральщиков с гравировкой «Погибаю, но не сдаюсь». Больше от этой приятной вещицы нет никакой пользы. По ней можно идентифицировать обезображенный труп. Но вот беда – трупы минеров обычно идут на корм рыбам, а тем все равно кого есть… С левого предплечья Андрей почему-то свел наколку. После нее остался безобразный шрам. Наколка и шрам-звездочка были как-то связаны между собой…

Будущее цирковое представление наверняка украсит номер человека-кошки Павла Миклашевского. Кто пороется в его тумбочке или хотя бы мельком увидит ее содержимое, без труда догадается об увлечениях Павла – там хранятся ботинки с когтями, ледоруб (надо заметить – очень опасное оружие в рукопашной), а еще коллекция безобидных безделушек, но, даже подержав их в руках, не каждый мог сказать, для чего же они собственно предназначены. Узнай об увлечении Миклашевского детишки – проходу бы ему на улицах не давали, просили бы достать застрявший на дереве воздушный змей или надувной мяч.

Вот только со стрелками будет явный перебор, потому что Мазуров решил внести в список еще двух. Они отличались от Колбасьева. С ними было все ясно с самого начала. Они входили в число тех, кто должен был отправиться на Тибет, являлись наименее загадочными личностями в его отряде и свято придерживались предназначения, которое выпадает на долю младших отпрысков в бедных дворянских семьях. Раньше они стали бы наемниками, а теперь… это называется так же. Оба среднего роста, поджарые (в одежде они казались худыми), ни грамма лишнего веса. Собаки, которые могут долго идти по следу, пока не поймают добычу. Итак: Иван Александровский и Сергей Краубе. Мазуров знал, что оба воевали на Балканах на стороне сербов в тринадцатом году, а Краубе, возможно, годом раньше в Киренаике.

Само небо послало Мазурову в самом начале войны Михаила Вейца. Было бы неразумно удовлетворять его требование и отправлять в пехоту, как того хотел Вейц, явившись на призывной участок, если учесть, что он занимался изучением взрывчатых веществ. Ох, уж эти патриоты! Разумнее было бы вовсе отправить его обратно в лабораторию, приковать кандалами к столу, на котором стоят приборы, и заставить продолжать работу, но когда приходит война чем-то надо жертвовать. Хороший подрывник ценился не на вес золота, а гораздо дороже. Маленькие, похожие на следы от оспин ямки усеивали его лицо. Вейц стеснялся их. Чтобы скрыть хотя бы часть из этих оспинок, он отрастил бороду. Шрамы на руках были гораздо страшнее, но их легко прятали перчатки. Вейц с ужасом думал о том, во что могло превратиться его лицо, если бы он не закрыл его руками, когда в лаборатории взорвались препараты. Он не выжил бы, а так… Брови и ресницы обгорели, кожа стала сухой. Но при известной доле воображения можно догадаться, что когда-то его лицо было красивым. Михаил не любил смотреться в зеркало. Но от этого лицо не переставало быть уродливым, а врачи не могли вернуть ему прежний облик…

Солнце медленно тонуло за горизонтом, затапливая землю кроваво-красными отблесками.

Уходило минут пятнадцать, прежде чем глаза привыкали к темноте настолько, что начинали различать очертания мишеней. Впрочем, штурмовики скорее чувствовали, где те находятся, чем видели их, поскольку было уже слишком темно, и глаза стали плохими помощ-

никами. Мир сливался в однообразную черную мглу, как будто ты оказался на дне океана, осветить который может только мощный прожектор. Облака висели так низко, что казалось, небеса начинают оседать и вскоре упадут на землю, погребая под обломками катастрофы людей и все, что они успели построить. В такие минуты в кровь, вместе с воздухом, просачивается страх, и далеко не у всех есть иммунитет к этому заболеванию.

Поле разделялось на сектора. Каждый вел наблюдение за своей территорией. Если бы мишени стояли на прежних местах – у подножия холма, штурмовики могли стрелять наугад. Они запомнили их расположение и могли выбить неплохой результат даже с закрытыми глазами. Но упражнение усложнилось.

По всему полю на расстоянии от 30 до 150 метров от позиций штурмовиков расставили около двадцати мишеней. В их расположении не проглядывалось никакой системы. Они появлялись на несколько секунд (обычно не более десяти), а потом вновь падали. Усмотреть какую-то закономерность в их возникновении было невозможно. Теория случайных чисел. Нужно было уловить момент, когда мишень появится. При этом она издавала едва уловимый шум. Так трутся друг о друга дерево и металл.

Они успели сделать примерно по десять выстрелов. После Мазуров отправил штурмовиков отдыхать. Ему показалось, что они остались недовольны.

Мазуров сидел за столом на расшатанном до предела стуле. Удерживать на нем равновесие было не менее трудно, чем ходить по канату, а откидываться назад опасно. Стоило только перенести немного центр тяжести, как стул начинал скрипеть, деформироваться, его сочленения приходили в движение, словно это какой-то странный механизм. Он мог развалиться, поэтому Мазурову невольно приходилось склоняться над столом, опираясь на него локтями. Стол, к счастью, был крепким.

Перед капитаном лежала стопка чистых листов бумаги, чернильница, ручка и пепельница, словно он намеревается приступить к мемуарам или к завещанию. Последнее – очень актуально, потому что шансов уцелеть было меньше, чем у игрока в рулетку выиграть целое состояние. Но Мазуров не знал, с какой фразы начать, задумчиво перебирая в памяти события своей жизни.

Наконец он решился. Схватил ручку, обмакнул ее в чернила и быстро, пока не прошло вдохновение, начал писать:

1. Николай Мазуров
2. Петр Азаров
3. Игорь Рингартен
4. Михаил Вейц
5. Сергей Рогоколь
6. Андрей Ремизов
7. Павел Миклашевский
8. Евгений Колбасьев
9. Иван Александровский
10. Сергей Краубе.

На этом творческий порыв покинул капитана, и, дописав последнюю фамилию, он остановился, опять о чем-то задумавшись. Вероятно, хотел сделать какие-то изменения. Но нет. Мазуров утопил ручку в чернильнице. Потом взял исписанный листок бумаги, поднес его поближе к глазам, словно плохо различал то, что написал. Но света хватало, чтобы разглядеть список и с большего расстояния. Он медленно прочитал его. На это ушло много времени. Даже никогда прежде не встречая эти фамилии, он успел бы их запомнить. Затем капитан достал из кармана коробок спичек и поджег листок. Мазуров держал его над пепельницей, пока огонь

не съел все фамилии, а потом бросил оставшийся клочок, тот быстро съежился и превратился в пепел.

Мазуров раздал черные метки…

На следующий день он пригласил к себе в комнату отобранных им штурмовиков.

– Сроки у нас сжатые, – сказал он, после того как изложил план операции, – дальше будем заниматься по индивидуальной программе и не здесь.

Остальным он приказал ни в коем случае не прерывать занятий с новобранцами, сообщив, что к ним в помощь Рандулич пришлет несколько ветеранов. «Только обиды на меня не держите. Лучше зажмите пальцы крестом. Но несколько суток так их не удержишь». Ничего Мазуров им не сказал. На этом они расстались.

Глава третья

Аэродром находился в лесу. Его хорошо замаскировали, и если бы двумя минутами ранее пилот не повернулся к Мазурову и знаками не показал ему, что сейчас они начнут снижаться, капитан никогда не догадался бы, что где-то поблизости располагаются пять гигантов «Муромцев» и около трех десятков более мелких аэропланов.

Мазуров почти с самого начала полета убедился, что пилот – ас. Он интуитивно чувствовал воздушные ямы и заблаговременно обходил их, так что «ньюпор» почти не трясло, и единственной неприятностью был сильный холодный ветер.

Пилот вел аэроплан спокойно и уверенно. Эта уверенность успокаивала Мазурова, заставляя его понять, что с ними ничего не случится, а если они повстречают немецкую эскадру, которая еще не успела расстрелять все патроны, пилот сможет от нее ускользнуть и затеряться в облаках.

Фамилия пилота была Шешель. Ее хорошо знали в среде любителей автогонок. Но даже если бы Мазуров оставался к ним равнодушен, он не смог бы забыть обезображенное жутким шрамом на левой щеке лицо победителя пробега на Императорский приз тринадцатого года. Фотография Шешеля появилась тогда почти во всех популярных журналах Санкт-Петербурга и Москвы, а в некоторых синематографах показывали фильм об этих гонках и то, как светлейший князь вручает победителю кубок и лавровый венок. Шрам придавал Шешелю романтический ореол. Женщины полагали, что он попал в страшную автокатастрофу и чудом остался жив, но реальность оказывалась более прозаичной. Шрам был последствием драки в портовом кабаке Марселя, где Шешель, уже изрядно подвыпивший, повздорил с английскими матросами. Из-за этой драки он чуть не вылетел из летной школы. Но инструкторам было жалко с ним расставаться, и они замяли скандал, воспользовавшись услугой русского консула.

Теперь на счету Шешеля значилось семнадцать сбитых немецких и австро-венгерских аэропланов. Раскрась он свой «ньюпор» наподобие того, как это сделал Ричговен, один его вид вселял бы в противника ужас. Фотографии вновь могли бы появиться на страницах журналов, но Шешель уже не хотел этого.

На голову Мазуров надел кожаный шлем, на глаза – очки, а на лицо шерстяную маску, но все равно они были слабой защитой от ветра. Кожа на лице заледенела. Мазуров так продрог, что едва мог выговорить несколько слов.

Капитану казалось, что они обязательно должны задеть кроны деревьев – так низко шел аэроплан, но он даже не успел испугаться, потому что через несколько секунд аэроплан коснулся колесами летного поля. Оно не было идеально ровным. Аэроплан затрясся, запрыгал на ухабах, а Мазуров, хоть и приготовился к посадке, крепко уцепившись руками в щиток перед собой, все равно едва не ударился об него головой и чуть не прикусил язык. Почти сразу же аэроплан завалился на заднее колесо. Мазурова качнуло назад. Рюкзак с парашютом на спине самортизировал удар о жесткую спинку кресла. Аэроплан стал замедлять скорость, одновременно отклоняясь вправо. И тут Мазуров понял, что Шешель что-то напевает. Однако кряхтение двигателя заглушало слова.

Мазуров не торопился снимать шлем, а тем более шерстяную маску, но ветра уже не было, и очки с глаз он все же сдернул. Их стекла немного запотели.

Из зарослей, которые окружали летное поле, возник солдат. Он приветливо помахал Шешелю рукой, тот ответил взаимностью. Заросли разошлись в стороны, как ворота, открывая вход в небольшую пещеру. Стенами ей служили стволы деревьев, а крышей – их густая крона и маскировочная сетка. В пещере оказалось достаточно места для аэроплана. Она действительно закрывалась деревянными воротами, утыканными зелеными ветками, которые созда-

вали видимость зарослей. Шешель направил «ньюпор» к пещере, медленно вкатился в нее и развернулся, стараясь не задеть крыльями ветви, а потом заглушил мотор.

– Все. Приехали, – сказал он, оборачиваясь к Мазурову.

– Спасибо, капитан, – ответил тот.

– А, не стоит, – отмахнулся Шешель, выбираясь из пилотской кабины.

Он прыгнул на землю, потом стал приседать, разминая затекшие ноги. В это время солдат закрыл ворота. В пещере сразу стало темно. Свет тонул в листве. К аэроплану подошли два авиамеханика. Мазуров едва не вскипел, когда один из них подал ему руку и хотел помочь вылезти из кабины.

– Я сам, – сказал Мазуров, не скрывая недовольной гримасы.

– Это все из-за генерала Духнова, – сказал Шешель, наблюдая за происходящим. – Когда он собирался к нам, то поспорил на ящик шампанского, что сумеет обнаружить с воздуха наш аэродром. У меня в баках почти закончилось топливо, а над летным полем я пролетел трижды. Когда мы сели, у генерала так затекли ноги, что, спрыгнув с аэроплана, он упал и с полминуты не мог подняться. Теперь солдаты не хотят, чтобы такой конфуз случился еще с кем-то.

– Я признателен за такую обо мне заботу, – сказал Мазуров, – и понимаю, что в этой маске похож скорее на налетчика, но все-таки могу позаботиться о себе сам.

Мазуров снял шлем и маску. Волосы взлохматились. Их немного причесал ветер. Стало холодно, тело пробил озноб, поэтому Мазурову захотелось выйти на летное поле и погреться – там светило солнце.

В лесу располагалось несколько пулеметных вышек. Они охраняли подступы к аэродрому. Немцы не раз пробовали его обнаружить, но у них так ничего и не вышло. Когда наступит осень и листва опадет с деревьев, его уже не спрятать. Правда, к тому времени аэродром будет уже не нужен. Линия фронта уходила на запад.

Деревянный сруб наполовину врыли в землю. С боков его присыпали землей. На ней уже проросла густая трава, а кое-где появился чахлый кустарник. Вот она, келья полковника Семирадского. Если человек перестанет вмешиваться в жизнь природы, то уже на следующий год на крыше сруба прорастут кусты, а потом время съест бревна, из которых он сложен, и тогда крыша провалится, а годы постепенно залечат все раны, которые человек нанес лесу.

Окна в стенах прорубить забыли. Внутри сруб освещался крохотным огоньком, ютившимся на кончике фитиля, вделанного в гильзу из-под артиллерийского снаряда. Его усилий не хватало, чтобы разогнать темноту, более того – огонь вел себя тихо, так чтобы темнота не разозлилась и не набросилась на него.

Полковник Семирадский спал, подложив под голову руки, согнувшись над небольшим письменным столом. Обычно на нем лежали карты, на которых полковник отмечал места предстоящих бомбардировок, но сейчас карты стояли в углу сруба, свернутые в рулоны, а на столе валялся раскрытый где-то ближе к концу томик Пьера Бенуа. Полковник увлекался приключенческой беллетристикой.

В течение последней недели Семирадскому удавалось спать не более пяти часов в сутки, да и то это время выкраивалось с трудом и обычно делилось на два или три сеанса. Немцы активизировались. Они подтягивали подкрепления. Но и без этого на пилотов навалилось так много работы, что Семирадский, как он ни наслаждался полетами, уже начинал желать, чтобы их стало поменьше. У него не было лампы, где жил джинн, и негде было поймать золотую рыбку, поэтому это желание исполнится, только когда закончится война. Впрочем, полковник опасался, что тогда он будет тосковать по прошлому, жизнь потеряет вкус, а полетов станет слишком мало.

Он спал нервно, реагируя на каждый шорох, готовый в любой миг вскочить и броситься к своему аэроплану. Как только Шешель и Мазуров, пригнувшись, чтобы не удариться головами о притолоку, вошли в убежище, полковник проснулся. Его глаза не сразу прояснились, и какое-

то, едва уловимое мгновение в них еще оставался отсвет сна, но никто не успел увидеть этого – так быстро он исчез и спрятался в темноте. Семирадский улыбнулся. Он встал из-за стола, отодвинув ногой стул, и подошел к Мазурову.

– С возвращением, Николай, – сказал он, осторожно пожимая капитану руку.

Он хорошо знал Мазурова. «Ильи Муромцы» из эскадры Семирадского выбрасывали отряд штурмовиков на тот мост, а истребители прикрывали их.

– Можешь не церемониться, – сказал Мазуров. – Меня неплохо залатали. Профессор Арбатов собрал кость из кусочков. Удивительно, как ему это удалось. Рука ноет к перемене погоды, но это вполне терпимо. Зато я могу предсказывать погоду лучше метеорологов и при этом не нуждаюсь в приборах.

– Я попрошу, чтобы тебя оставили у меня. С метеорологами невозможно связаться, а даже если это и получается, то их прогнозы частенько бывают неправильны. Наверное, следует кому-нибудь из них сломать что-нибудь, чтобы их предсказания наконец-то стали точными, – улыбнулся Семирадский.

– Какой ты все-таки жестокий! Раньше я за тобой таких кровожадных наклонностей не замечал. Неужели Бенуа тому причиной?

– Неплохая книга. Рекомендую. Можешь взять ее, когда дочитаю. Французы, прослышав о моих пристрастиях, прислали мне в нагрузку к «фарманам» несколько пачек книг.

– Представь себе, за время моего вынужденного безделья, то бишь излечения, я уже познакомился с ней. Видимо, у французов забиты все склады в книжных магазинах, и они решили высвободить их, отправив книги нам в подарок. А кроме книг французы ничего не прислали? – зубы Мазурова блеснули в улыбке.

– Прислали. Пять ящиков шампанского. Но оно уже закончилось. Приходится часто обмывать победы.

Шешель стоял на пороге, прислонившись к дверному косяку, и молча слушал разговор.

– Ты чего встал там, как страж? – сказал Семирадский, обращаясь к нему. – Проходи и садись к столу. Сейчас денщик организует чай с вареньем.

– Чай – это хорошо, но я уже согрелся. Хочу порыться в двигателе. Что-то он меня беспокоит. Правда, боюсь, что немцы не дадут времени отремонтировать его всерьез.

– Как знаешь, – сказал полковник.

У денщика была округлая физиономия. Казалось, что его губы за краешки привязаны веревочками к ушам. Улыбка, очевидно, всегда оставалась на его лице, сколько он ни старался делать серьезное выражение. Денщик походил на румяный калач. Пилотом он станет только тогда, когда аэропланы начнут принимать на борт сотни и тысячи килограммов полезной нагрузки. Аккуратная форма хоть сидела на нем мешком, все-таки делала денщика худобедно похожим на солдата. Правда, отряд, составленный из таких вояк, много не навоюет и скорее станет пушечным мясом. Все в эскадре знали, что денщик пописывает стишки, в которых он представлял себя асом. Они под псевдонимом Е.Д. регулярно появлялись на страницах журнала «Воздухоплаватель» и считались недурственными, поскольку в них со знанием дела говорилось о «колбасе», то бишь о дирижаблях, о немецких воздушных пиратах и о сражениях под облаками. У денщика даже появились поклонники, главным образом из числа начинающих стареть одиноких дам среднего достатка, которые наверняка были бы раздосадованы, узнав, что их кумир видел аэропланы только со стороны и самое большее, на что он решился, – это забраться в пилотскую кабину и посидеть там несколько минут. Взлетать в воздух, даже в качестве пассажира, денщик боялся, а поэтому отказывался от всех предложений авиаторов взять его с собой. Пилоты убеждали денщика, что полет пойдет на пользу, что в его творчестве появятся новые мотивы, и он станет более живо чувствовать материал, но Е.Д. не соглашался. Природная скромность мешала ему добавить к инициалам еще что-нибудь. Например, «граф Е.Д.» или «штабс-капитан Е.Д.» Это, конечно, было простым поэтическим преувеличением,

но на подлог денщик не шел. Писать же перед инициалами правду – рядовой, из крестьян, он не решался, считая, что это несолидно. Подобными подписями можно распугать всех почитателей. Денщик не любил рисковать.

Е.Д. принес пышущий жаром самовар. Комната наполнилась тяжелым ароматным запахом чая. Денщик примешивал к чаю какие-то травы, но рецепта не выдавал, ссылаясь на то, что так, как он, чай никто приготовить не сможет. Семирадский охотно верил этому. Однажды ради забавы он смешал все указанные денщиком компоненты в необходимых пропорциях и последовательности, но, пробуя получившееся варево, был вынужден предварительно зажать нос – так мерзко от него несло. Полковник лишь попробовал его, а потом долго отплевывался и пытался извести отвратительный привкус во рту, прихлебывая терпкое вино. Больше он подобных экспериментов не проводил.

На столе появилась розетка с жидким янтарем. Это был липовый мед. Полковник с ухмылкой сказал:

– Денщик хочет меня подкупить. Ему прислали мед из деревни. Он, шельма, теперь меня им подкармливает. Очевидно, хочет, чтобы я рассказал ему несколько боевых эпизодов, о которых он затем напишет в своих стихах. Пока я держусь, но остальные не такие стойкие. Они ему продались с потрохами, – Семирадский рассмеялся. – А мед очень вкусный. Я и не припомню, когда такой пробовал. Знаешь, в магазинах до войны, даже у Елисеева, он был хуже.

У Мазурова еще не отошли от холода ноги. Казалось, что внутри они состояли из оледеневшего стекла и при любом неосторожном движении могли рассыпаться осколками.

Мазуров сел на деревянную лавку, очень жесткую, но все же гораздо более удобную, чем сиденье в аэроплане, на котором он мучился несколько часов. Вначале он обхватил стакан с чаем ладонями, чтобы тепло передалось рукам, и только затем пригубил напиток, сделав небольшой осторожный глоток. Боясь сжечь гортань, капитан быстро проглотил чай, чувствуя, как лед внутри тела сразу же стал плавиться.

– Не дают тебе покоя… – начал Семирадский.

– Это нестрашно, – убежденно сказал Мазуров. – Гораздо хуже, если обо мне забудут. – Он уже выпил почти полстакана чая и теперь, вспомнив, что на столе есть еще и сладкое, приступил к меду.

– Похоже, на этот раз дело столь секретно, что даже мне не сказали, в чем оно заключается. Только указали точку, где вас должны выбросить, – внимательно посмотрел на него полковник.

Зазвонил телефон. Дребезжащий противный звук толчками вырывался из аппарата и пытался столкнуть с подставки трубку. Он не мог предвещать ничего хорошего. Семирадский вздрогнул, услышав его, быстро схватил трубку и поднес ее к уху.

– Да? – секунд пятнадцать он внимательно слушал. Выражение лица полковника почти не менялось, так что невозможно было даже примерно определить, что же ему говорили. – Да. Я все понял. Поднимаю эскадру.

Он уже стоял на ногах, напряженный, как сжатая пружина. Как только разговор закончился, полковник шагнул к выходу.

– Извини, Николай. Разведчики засекли немецкие бомбардировщики с сопровождением. Нужно их остановить. Отдохни пока. Не думаю, что это займет много времени.

Он выбежал из комнаты. Тишину разорвали противные вопли сирены. Если бы такими же голосами обладали жительницы острова, которые зазывали к себе проплывающих мимо моряков, ничего бы у них не вышло. Хотя, возможно, глухого они смогли бы заманить к себе…

Мазуров почувствовал себя плохо. Он оказался не у дел, был пока обузой и не знал, что ему делать дальше. Не хотелось тупо дожидаться возвращения пилотов с задания, да и произойдет это не раньше, чем через час. При этом приходилось учитывать, что настроение Семирадского должно ухудшиться, так как вряд ли все его подчиненные вернутся обратно.

Переход от полутемноты к свету был слишком резок. Когда Мазуров выбрался из блиндажа, ему пришлось прищурить веки. На летном поле царила суета. Несколько аэропланов появились из зарослей, два выруливали на взлетную полосу, один разгонялся, еще один был уже в небе и набирал высоту, начиная разворачиваться, чтобы дождаться, пока к нему присоединятся товарищи. Аэропланы отрывались от земли плавно, а затем резко взмывали вверх. Чтобы не терять время, пилоты шли на риск – они поднимались в небо друг за другом на небольшом расстоянии. Если с кем-нибудь случится неприятность, и он не взлетит, то следующий за ним аэроплан вряд ли сможет избежать столкновения. К счастью, все обошлось благополучно. Через несколько минут эскадра исчезла в облаках.

Глава четвертая

В госпитале Мазуров привык к тому, что время, особенно днем, превращается в некое подобие тягучей, растопленной солнцем массы, а каждая минута многократно увеличивается в объеме, разбухая, как гниющий труп. Свыкнуться с этим он так и не смог. Впрочем, для пилотов аэропланов, улетевших на задание, время текло значительно быстрее. Капитан вспомнил грифельную доску в укрытии Семирадского. На ней была нарисована таблица, разделенная всего на две колонки: в левой – фамилии пилотов, а в правой цифры, обозначавшие количество воздушных побед. И та, и другая колонки носили следы множества исправлений.

В небе появилась черная точка, которая еще не успела обрести форму аэроплана. Он шел на посадку. Если бы это был человек, то его движения можно было бы описать как пьяные. Аэроплан то проваливался в глубокую яму, почти касаясь колесами деревьев, то вновь поднимался в небо, как мячик, который ударился о газон. Его корпус был измочален, как будто на него напали хищники, похожие на акул, – только их зубы могли оставить на фанере аэроплана такие страшные раны. Хвостовое оперение превратилось в лохмотья. Небольшими кусками оно отваливалось от корпуса, будто аэроплан метил дорогу, как делал это в сказке маленький мальчик, чтобы отыскать потом путь домой. Брезентовая обшивка слезала с бортов буквально на глазах, как старая кожа со змеи, но пока она еще не оторвалась и струилась следом за аэропланом, похожая на шлейф.

На земле суетились техники. Внешне они напоминали дружину, которая, нервно переминаясь с ноги на ногу, готовится отразить накатывающуюся волну неприятельской конницы. На всякий случай они разматывали пожарные шланги, подключали насосы к цистерне с водой. Поразительно, что аэроплан все еще держался в воздухе, хотя его аэродинамические свойства стремительно приближались к тем, которыми обладает этажерка. Видимо, от падения его удерживали только божьи молитвы. Наконец он грузно сел, словно его набили камнями, и почти сразу же остановился. Двигатель, работа которого напоминала кашель заболевшего гриппом человека, затих, но прежде чем прекратил вращаться пропеллер, к аэроплану подбежали техники. Пилот уже выпрыгнул из кабины. Похоже, он не был даже ранен. Все пули достались аэроплану. Бодрым голосом пилот давал указания техникам. Слова не долетали до Мазурова, но жесты лучше любых слов объясняли, что пилот хочет, чтобы техники побыстрее отогнали аэроплан с взлетно-посадочной полосы.

Вскоре стала понятна причина этой спешки. Едва техники подцепили тросом израненный аэроплан, будто рыбу на крючок, и автомобиль-эвакуатор поволок его к зарослям, над взлетно-посадочной полосой появился следующий аэроплан, пилот которого не стал дожидаться, когда освободится место для приземления.

Он летел очень низко. Двигатель работал настолько вяло, что различались лопасти винта. Пеший путник его вряд ли обогнал бы, профессиональный бегун мог с ним посоревноваться, а всадник оставил бы далеко позади себя. Уже над поляной, когда до земли осталось метра три, аэроплан развернуло, как от сильного встречного порыва ветра. Еще несколько мгновений он летел боком, а потом попробовал сделать «мертвую петлю», заваливаясь вниз ставшим неимоверно тяжелым носом.

Лопасти избежали соприкосновения с землей. Наверное, аэроплан вышел бы из петли, но высота оказалась слишком мала. Синхронно рухнули стойки между крыльями, выдержали лишь те, что располагались по краям пилотской кабины, а потом хвост с хрустом вошел в землю, разбрызгивая вокруг куски фанеры. Аэроплан превратился в беспомощную муху, валявшуюся на спине. Легкая добыча для паука.

Из кресла, как чертенок из табакерки, вывалился пилот, перемазанный кровью, и повис на ремнях безопасности, похожий на тряпичную куклу. Под весом фюзеляжа оставшиеся

стойки вначале прогнулись, а потом тоже треснули и сломались. Аэроплан осел на верхнее крыло, опали растяжки. Крыло вдавило голову пилота в плечо.

По аэроплану ударили струи воды, опутав его, как паутиной. Они хотели разогнать тонкие струйки дыма, потянувшиеся на свет из двигателя, отсечь огонь и не дать ему добраться до топливных баков.

Пилота окатило водой. Он очнулся, но соображал плохо, поскольку болевой шок у него не прошел. Когда к нему подбежали вымокшие до нитки санитары, он что-то бессвязно мычал, видимо, воображая, что оказался в тюремных застенках и сейчас его вновь начнут пытать. Санитары быстро высвободили пилота из пут ремней безопасности, осторожно, поддерживая вначале за пояс и плечи, а затем за ноги, извлекли из кабины, уложили на носилки и понесли в медпункт.

Тем временем техники утихомирили пламя. Но они понимали, что им понадобится еще минут десять, пока удастся перевернуть аэроплан и убрать его…

Следующие два аэроплана сели один за другим с коротким интервалом, словно находились на показательных выступлениях, а их пилоты хотели произвести впечатление на высокопоставленных особ, которые в эти минуты наблюдали за представлением. Подпрыгивая на небольших кочках, они виртуозно увернулись от потерпевшего крушение собрата, объехали его стороной и скрылись в зарослях – каждый в своем стойле. Техники, проводив их взглядами, радовались хотя бы тому, что новых забот им пока не прибавилось. Но все еще не было аэроплана с нарисованным на корпусе мангустом, а это значило, что Семирадский с задания не вернулся.

– Что полковник? – спросил Мазуров, подойдя к пилоту первого аэроплана.

Тот все еще находился в возбужденном состоянии и не мог понять, как ему удалось не только уцелеть, но даже не получить ни одной царапины. Он смотрел на окружающее удивленными глазами, как будто все вокруг было для него новым. Вопрос капитана вывел пилота из этого состояния.

– Вернется. У немцев нет аса, который смог бы сбить Семирадского. И те, которых мы сегодня встретили, не чета ему. Даже стаей. Хотя потрепали они нас изрядно, – последние слова он сказал с таким выражением, которое было бы более уместно для описания вкусных бубликов или блинов со сметаной. Так купец, завалившийся в трактир, хвалит местные кушанья: «А чай с баранками у вас изрядный».

– Что произошло-то? – спросил Мазуров, видя, что пилот словоохотлив.

– У них была вторая эскадра прикрытия. Вот в чем дело. Тремя аэропланами мы отвлекли истребители сопровождения и уже собирались было разобраться с бомбардировщиками, но тут появилась еще одна немецкая эскадра, а потом… Это надо было видеть. Одиннадцать против семи. Да еще три бомбардировщика. Хотя они только мешались, – пилот замолчал, немного закатил глаза и стоял так несколько секунд, вспоминая прошедший бой. – Но нас не представили, – наконец сказал он.

В небе было холодно, поэтому пилоты постоянно ходили в меховых куртках. Оказавшись на земле, они становились похожи на медведей, которые мучаются от жары из-за своих слишком теплых шкур.

– Это капитан Николай Мазуров, – раздался голос рядом с ними. Подошел Шешель. Его лицо, шлем, который он держал в руках, и белый шарф были измазаны маслом, а в глазах все еще отражалось безумие. Если дорисовать ему пену на губах, то пилот стал бы похож на берсерка. – А это лейтенант Сергей Каличев.

Внимание лейтенанта сразу переключилось на Шешеля.

– Спасибо, Саша. Если бы ты не подрезал немца, зашедшего мне в хвост, горел бы я в бурьяне.

– Три мозельского – и мы в расчете, – усмехнулся Шешель и, помолчав, добавил: – Ты знаешь, что у нас сбили двоих?

– Я видел только, как падал Иванцов, – нахмурился лейтенант.

– Еще Валишевский.

– Черт, эта победа далась нам очень дорого, – сказал Каличев, закусив губу. – А Семирадский?

– Я потерял его. Три немца ушли, но полковник их не преследовал. Топлива у него хватит еще на полчаса. Будем ждать.

К Шешелю подбежал механик. Пилот показал ему два пальца. Знак победы. Но сейчас он обозначал еще и нечто другое.

– Рисуй, – коротко бросил он механику.

Тот улыбнулся и побежал искать банку с краской.

Алексею Левашову удавалось сохранять спокойный вид. Затянутый с ног до головы в хрустящую черную кожу, он мерил шагами расстояние вокруг своего аэроплана, покусывая только что сломанную соломинку и посматривая на работу двух техников. Они уже закончили установку дополнительных топливных баков общей вместимостью 700 литров в салоне и теперь прибирались там. Техники выносили из салона обрезки труб, выметали металлические опилки, подбирали разбросанные тут и там инструменты и складывали их в ящик.

Разумнее было бы установить баки на крыльях, а когда топливо в них закончится, то можно легко избавиться от лишнего веса, сбросив баки. Дополнительную нагрузку крылья выдержат, но могут треснуть, когда на них выберутся штурмовики. Лучше не рисковать.

В самый последний момент конструкторы придумали какие-то усовершенствования. Доделывать аэроплан пришлось уже не в ангарах на заводе, а на летном поле. Изменения были незначительными, поэтому их доверили обычным авиамеханикам, работающим под руководством инженера.

Инженер куда-то запропастился, как, впрочем, и второй пилот.

Левашов не видел летного поля. Деревья закрывали почти весь обзор, но по шуму, который доносился оттуда, он догадался, что вылет оказался не очень удачным. Иногда, заслышав тарахтение приближающегося аэроплана, он останавливался, прислушивался, напряженно прищурив веки, и с раздражением бросал взгляд на техников, которые так шумели, что мешали понять – кто из пилотов вернулся.

Послушав работу двигателя всего лишь несколько секунд, он не только мог определить чей это аэроплан, но и найти повреждения, если таковые были. Техники относились к Левашову с уважением, потому что он часто давал им правильные советы в сложных ситуациях и никогда не отказывался, вооружившись отверткой и ключами, покопаться в неисправном двигателе, будто он получал удовольствие, пачкаясь машинным маслом и керосином.

– Каличев, Зандер… – тихо шептал Левашов, одновременно мысленно загибая пальцы.

У него было отвратительное настроение, и причин тому несколько. Техники исподлобья поглядывали на Левашова. Они хотели заговорить с ним, но, зная вспыльчивый и непредсказуемый характер пилота, опасались это делать.

Левашову было неприятно сознавать, что пока он здесь прохлаждается, в небе гибнут его друзья. Он ничем не мог помочь им, хотя бы потому, что был не истребителем, а бомбером. Но облегчения эта мысль все равно не приносила. Избавиться от нее можно было, отправившись на очередную бомбежку. Но на протяжении последних двух недель, с тех самых пор, как он стал командиром модифицированного «Ильи Муромца», боевых заданий ему не давали. Левашов боготворил новый аэроплан, смотрел на него с восторгом. Внешне он почти не отличался от прежней разработки – такой же огромный, на первый взгляд неуклюжий, похожий на мощный неповоротливый дредноут, главным достоинством которого является не скорость, как

у истребителя, а сила. Но его броню можно проткнуть даже пистолетным выстрелом… Аэроплан действительно напоминал древнерусского богатыря, пролежавшего тридцать три года на печке, – обычно медлительного и этим вводившего в заблуждение как друзей, так и врагов, потому что когда приходило время…

Сейчас гигант, раскинув в разные стороны крылья, будто руки, отдыхал, упираясь в землю колесами, прячась от жары под лохматыми ветвями деревьев. Техники доставляли ему беспокойство не больше, чем птицы, усевшиеся на спину уснувшего на поверхности океана кита. Еще он походил на тучного человека, который начнет обливаться пóтом, стоит ему выбраться из тени. Левашов мог часами рассматривать новые двигатели, установленные на аэроплане, запоминая каждый их изгиб, расположение болтов, муфт, подшипников. Он полагал, что этот двигатель может встать в один ряд с самыми выдающимися произведениями искусства. Смотреть на аэроплан для Левашова было гораздо более приятным занятием, чем, скажем, посещение галереи современной скульптуры. Когда двигатель остывал, но еще сохранял остатки тепла, Левашов подносил к нему руку, прикасаясь к металлической поверхности, которая уже не обжигала кожу, а приятно ее согревала. Наверное, особенно приятно будет делать это осенью, когда из-за промозглой погоды начинают ныть суставы.

– Шешель, Агольский…

Левашову хотелось придумать бомбардировщику имя, написать его на носу, так же как это делают на кораблях, но ничего, кроме «Медведь», в голову пока не приходило. А еще «Толстяк». Это прозвище не было обидным. Левашов знал, что в небе модифицированный «Илья Муромец» не уступит в скорости ни «фоккеру», ни «альбатросу». У него было время, чтобы проверить это. Вначале пилот не поверил техническим характеристикам аэроплана. Но когда он почувствовал его возможности, то собственный довоенный рекордный беспосадочный перелет из Варшавы в Москву, принесший ему славу и известность, показался детской забавой. Левашов понял, что наконец-то появился аэроплан, при помощи которого он сумеет осуществить свою давнюю мечту – перемахнуть через Атлантический океан.

Истребители могли похвастаться количеством сбитых аэропланов, а Левашов… Никто не считал, сколько он сумел подбить германской и австро-венгерской техники, поэтому в разговорах пилотов для него обычно отводилась роль пассивного слушателя. Невелика заслуга в том, что он записал на свой счет две воздушные победы, которые официально были засчитаны. Многие пилоты могли продемонстрировать более представительный послужной список. Вряд ли можно считать заслугой то, что его никогда не сбивали, хотя однажды он едва дотянул до аэродрома. Техники не поленились подсчитать пробоины в корпусе его аэроплана и нашли их почти полторы сотни.

«Илья Муромец» Левашова лишь формально входил в эскадру Семирадского, на самом деле подчиняясь исключительно Гайданову, так что пилот всецело мог ощущать себя вольной птицей. Это состояние ему не нравилось. В нем не было конкретности. Если бы он заранее знал, что, скажем, к вечеру ему необходимо лететь на бомбежку, тогда он чувствовал бы себя более спокойно. Однако Гайданов перед тем, как аэроплан Левашова перебросили на аэродром Семирадского, лишь приказал ему ждать дальнейших указаний. Ориентировочно они последуют в конце августа. К этому времени «Илью Муромца» предполагалось немного переделать. Левашов понял, что если в угоду дальности пренебрегли грузоподъемностью аэроплана, то ему предстоит довольно продолжительный полет. Генерал обрисовал предстоящую операцию в общих чертах, и Левашов знал пока только то, что ему предстоит выбросить в германском тылу штурмовую группу. О ее количестве и месте высадки диверсантов разговор еще не заходил, хотя Левашов предполагал, что, скорее всего, это будет одно отделение. Больше ему на борт не взять.

Наконец Левашов не выдержал, отбросил мокрую, уже рассыпающуюся соломинку, на ходу выплюнул ее остатки и быстро пошел к летной полосе. По дороге его обогнали техники,

которые отложили инструменты, посчитав, что с «Ильей Муромцем» они закончат заниматься попозже, а пока их помощь нужна другим.

Техники убирали с летного поля поврежденный аэроплан. Его уже успели перевернуть, но при этом погнулся винт и почти оторвалось и без того едва державшееся верхнее крыло. Ко всему прочему оно в двух местах треснуло, и с него слетела обшивка, так что, видимо, крыло придется полностью заменить. Нижняя плоскость пострадала меньше. Если техники попотеют, то, возможно, послезавтра к вечеру аэроплан будет готов к полетам.

Техники суетились возле аэроплана, громко переговариваясь, подтягивая его эвакуатором в стойло. Одна из колесных опор поврежденной машины перекосилась, поэтому она никак не хотела ехать прямо, переваливаясь и припадая, как раненая птица, оказавшаяся на земле, то на одну, то на другую сторону, постоянно смещаясь влево.

Эвакуатор двигался медленно, но безостановочно, как муравей, который тащит понравившуюся ему веточку. За состоянием погнутого шасси следил техник. Он шел в полусогнутом положении, так чтобы колесо всегда оставалось в поле его зрения. Как только возникнет первая угроза того, что стойка начнет разваливаться, он немедленно остановит водителя эвакуатора.

Аэроплан, как когтями, скреб летное поле, собирая с него верхний слой и добираясь порой до жирной коричнево-черной земли. Борозды походили на следы когтей какого-то двупалого хищника, оставленные на зеленой шкуре еще не открытого учеными существа, кровь на ранах которого уже успела свернуться, потемнеть и засохнуть.

Птицы следили за работой людей, кружась невысоко в небесах над летным полем. Самые смелые из них садились на борозды, хватали еще не успевших спрятаться червяков и быстро взлетали с добычей, чтобы потом, сев на ветку подальше от людей, попировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.